

Рина Беж

Ты знаешь мой секрет?

<https://litres.ru/74206798>

Аннотация

♥# Богатый, властный, надменный... Алекс Гроссо. Хозяин жизни, владелец заводов, газет, пароходов, волей судьбы оказывается не только братом погибшего мужа моей умершей сестры-близняшки, но и моим первым мужчиной. Этот запутанный клубок получается размотать слишком поздно. Я всей душой надеюсь больше никогда с ним не встречаться, но наша общая племянница, выжившая чудом, рушит все мои планы.

♥# ОСТОРОЖНО! Откровенные сцены секса! Немного мата!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	68
Глава 8	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Пролог

Жизнь – не сценарий, написанный кем-то свыше и обязательный к исполнению строго по пунктам.

Ты сама – хозяйка своей судьбы. Только помни, что с каждым твоим последующим шагом, меняется и всё остальное. Потому что каждый шаг – это выбор.

Звучит немного пафосно и вроде как обещает, что ты всегда «на коне». Но вся соль в том, что...

Иногда.

Вещи.

Просто.

Случаются.

И наоборот.

Что должно случиться, не случается. А что не должно – происходит.

Такова жизнь.

Вот и моя, тихая и спокойная, строящаяся по плану, в один момент сделала крутой вираж, и все желания и планы посыпались, как карточный домик.

Жуткая цепь событий привела к тому, кем я стала теперь. Жалею ли я? Совершенно однозначно нет.

Но это – сейчас.

А раньше всё было по-другому...

Три месяца назад

«— София Викторовна?

— Да, это я, — недоумение не скрываю.

— Лейтенант полиции Майков, могу я увидеть Ваши документы?

— Конечно, вот держите. А что не так?

— Елизавета Викторовна — Ваша сестра? Вы очень похожи. Вопрос напрягает. Киваю.

— Верно. Мы — близнецы. Что с ней?

— Авария.

Первая волна паники накатывает удушливой пеленой, подгибая ноги. Прислоняюсь к косяку двери, ища опору.

— Но... они с мужем уехали в путешествие в Карелию, и...

— Верно. Вчера после 22.00 нашли их машину, она слетела с трассы и врезалась в дерево. Всего в ста километрах от города.

— Это, должно быть, ошибка. Я раньше, чем через неделю их не ждала, и... — мотаю головой, не желая признавать правду.

— Вот фотография с места событий. Узнаете?

Смотреть страшно до ужаса. Но я заставляю себя это сделать.

Машина Макса. Сомнений нет. Номер виден четко.

— Что с ними? — неосознанно обхватываю шею, чтобы задушить дикий вопль, готовый вот-вот сорваться с уст.

– Макс Гроссо погиб на месте, – с каждой новой фразой трясет сильнее. – Его жена в реанимации. Очень слаба.

– Она беременна... – выдыхаю на грани слышимости.

Паника накрывает душным коконом, в глазах темнеет.

Нет, только не с моими родными. Они всё – что у меня есть.

Нет.

НЕТ.

НЕТ!

– Врачи делают, всё возможное. Я могу Вас отвезти, – голос мягкий, сочувствующий, словно нож, полосует по остаткам моего мнимого спокойствия.

Это не сон...

Понимаю, наконец. И крупная дрожь прошивает всё тело, как разряд электрического тока.

– Я соберусь через пять минут, спасибо, – руки и ноги леденеют.

Но это и правильно. Эмоции подождут. На стену буду бросаться потом. Сейчас нужно сделать всё возможное, чтобы спасти Лизу и ребенка.»

Глава 1

Биты прошивают тело, словно искры. Кровь пульсирует в такт.

Поворачиваюсь спиной к залу. Делаю изящный прогиб, наклоняясь вперед. Короткие шортики из лаковой кожи цвета серебристый металлик, отражая свет софитов, откровенно обрисовывают нижние девяносто и явно будоражат зрителей.

Ну еще бы, так оттопырить попу и не завести толпу.

Слышу свист, перебивающий громкую музыку. Не отвлекаюсь. Даже не меняю выражения лица, сохраняя отрешенную загадочность. Увожу руки плавно в стороны и стремительно разворачиваюсь.

Пряди разлетаются и бьют по лицу. Не чувствую этого, просто фиксирую. Знаю, смотрится шикарно. Тяжелая волнистая грива пепельно-розоватых волос, немного не достигающих талии, всегда привлекает внимание.

Прогиб вперед, руки строго над головой. Взгляд в никуда. Никаких улыбок. Тяжелый ритм у композиции, не заводной, нет. Пульсирующий, пенящий кровь. Четкий, резкий.

Мгновенный перепад. И уже соблазняющий, манящий. Надо соответствовать. Резко приседаю вниз и развожу колени в стороны. Грудь красиво выставлена вперед. Да, не четверочка. Но и своя родная полноценная тройка в серебри-

стой майке-размахайке, прикрывающей спортивный бюстик, сморится весьма и весьма.

Свет подстраивается под музыку, то вспыхивая неонам, то погружая зал в сумрак. Делаю шаг вперед. Изгибаюсь всем телом, рисуя бедрами восьмерки. Знаю, пирсинг с красивой подвеской в пупке приковывает многие взгляды. Камушки отражают сотни ярких огней, играют и манят к себе. Зовут коснуться сначала их, а потом и подтянутого животика. Провести по нему легонько самыми кончиками пальцев, скользя к бокам, а потом резко обхватив, притянуть поближе, чтобы прочувствовать все в подробностях, медленно и не торопясь.

Но нет. Вам разрешено только смотреть. Не касаясь.

Вот и наслаждайтесь, чем можете.

Вновь отщелкивающий секунды мотив. Руки четко передвигаются по заданной траектории во время темноты и фиксируются на месте при неоне. Кожа горит от сотен взглядов. От напряжения появляется испарина.

Вспышка.

Поворот влево, прогиб, кисти заманивают призывом, как и искорки в подведенных черным карандашом глазах.

Вспышка.

Стою прямо, скользя руками вдоль тела. Призывно до одури. Оценили?

Вспышка.

Поворот вправо, прогиб. Вам хочется погладить мое изящное бедро? Или опустить руку чуть ниже границы

шорт?

Вспышка.

На коленях с опущенной головой. Я – раба. Послушная и открытая для тебя. Веришь? Зря.

Вспышка.

Перекидываю руки за спину, развожу ноги в коленях. Хорошо, что ткань не дымиться от сосредоточенных на мне голодных взглядов. И отталкиваюсь для подъема.

Лицо застывшее, эмоции бурлят лишь внутри. Но сейчас их нельзя показывать. Буквально две минуты и всё закончится.

Вспышка.

Тело подлетает вверх и опять уходит в изгиб.

Вам нравится? Вы ухмыляетесь и с прищуром оцениваете свои шансы подцепить меня этой ночью? Главные пошляки уже поправляют ширинки и прикусывают губы, разыгрывая сцены соблазнения в своих мыслях?

Мечтайте. Вам доступно лишь это.

Многочисленные браслеты на руках танцуют вместе со мной. Я их обожаю до безумия, постоянно покупая новые. Часы не люблю. Браслеты – моя страсть. Так же, как и красивая заводная музыка. Я ей живу. Я ей пульсирую. Я заряжаюсь и зажигаю толпу.

Резкий поворот назад, очередной прогиб.

Шикарная попа, не правда ли?

Вспышка.

К зрителям лицом.

Да, у меня есть лицо, а не только тело, которое вы страстно желаете.

Свет больше не гаснет. Просто пульсирует разноцветными огнями. Руки скользят, очерчивая грудь, тонкую талию, бедра, уходят на внутреннюю часть и вниз. Приседаю в последний раз, широко развожу колени.

Ноги на убойных шпильках немного сводит. Но это уже привычно. Терпите, мои хорошие, сейчас будете отдыхать. А кто-то из перевозбуждившихся самцов приходить в себя, понимая, что сказка закончилась и наяву продолжения не будет.

Всё. Замерла.

Композиция обрывается звонкой нотой. Меркнет свет.

Буквально на мгновение тишина оглушает.

Выдыхаю. Справилась.

Я – умница.

Но потом раздается свист, аплодисменты проснувшейся от гипнотического танца толпы. Вопли смельчаков, требующих продолжения.

Три секунды.

Мне этого достаточно, чтобы сбежать со сцены и раствориться за портьерой. Свет вспыхивает вновь, когда меня уже нет. Радостные крики перерастают в недовольное мычание и улюлюканье, но это уже не ко мне. Исчезаю. Как и всегда.

А новый трек старательно завлекает толпу, подталкивает

двигаться и наслаждаться вечером дальше.

В комнатке, больше похожей на подсобку для хозяйинвентаря, первым делом скидываю обувь и босиком перемещаюсь к умывальнику. Оперативно смываю с лица тонну косметики, необходимой для привлечения внимания публики и маскировки собственного «Я». Наношу увлажняющий крем.

Ну, наконец-то, красота! Ненавижу разрисовывать моську, будто индейцев передразниваю. И кожу при этом стягивает так, словно увлажняющую маску передержала, она засохла и вот-вот начнет лопаться, как скорлупа на яйце.

Бр-р-р, гадость.

Как-то пару раз, задумавшись, умудрилась глаза потерять, забыв про макияж. Кажется, ерунда. С кем не бывает? Что в этом особенного? Только вот полученное раздражение слизистой, которое привело к покраснению глаз и гнойному конъюнктивиту, запомнилось отлично. Повторять подвиг — желания нет. Теперь не забываю.

Стаскиваю с рук браслеты. Сегодня не менее двадцати тонких колец. Блестящих, играющих на свету преломленными гранями и витиеватыми изгибами, притягивающими взгляд штриховкой рисунка или редкими искусственными камушками.

Ой, ну сорока. Самой на себя смешно. Но, когда эта прелесть попадает на глаза, зависаю, как змея перед факиром, и разглядываю, любуюсь, обвожу пальцами, ощущая идеаль-

ную гладкость или необходимую шероховатость.

Вытаскиваю пирсинг. Обычно у меня вдет маленький камушек, но на выступление нужно что-то более яркое и игривое. Сегодня это подвеска из трех нитей, инкрустированных прозрачными, как слеза, мелкими хрусталиками, более крупными на конце.

Концертный костюм, состоящий из блестящих лоскутков, скидываю в рюкзак. Влезаю в свои любимые голубые джинсы и белые конверсы. Натягиваю майку-алкоголичку черного цвета и сверху широкую белую футболку, позволяющую одному рукаву обязательно сползти на какой-нибудь бок, оголяя плечо.

Яркий принт, желтая бабочка на груди, непременно отвлечет внимание от лица. Что и требуется. Мне не нужно узнавание в зале, когда я выйду. Танцы в клубе – это временное явление, вплетенное в мою тихую, однообразную жизнь лишь по воле злого рока. Вынужденная мера, необходимая, чтобы быстро заработать, но которая в любой момент, по первому же звонку из клиники, завершится.

Всё. Прикрылась. Уже легче. Это я на сцене дерзкая штучка, а по факту – мышка-норушка. Нет, не серая. С моей по всем меркам шикарной копной светлых волос, доставшихся в наследство, судя по фоткам, от мамы, о серости не может быть и речи. Но трусливая. Нет, не так. Опасающаяся... всех и вся.

М-да, жизнь - она еще та стерва, иногда так вывернет, что

и собственной тени шутаться станешь. Ладно, забыли. Не время себя терроризировать воспоминаниями и душевными травмами. Скоро идти к Макару за оплатой, а потом уже и ближе к дому можно.

Устала. Хочется выспаться. Да так, чтобы, открыв глаза, понять, что весь ужас последних трех месяцев – это всего лишь дурной сон. И всё вновь прекрасно, все живы и здоровы.

Звучно выдохнув, заваливаюсь на диванчик. Пусть небольшой, как и всё в этой комнатке, зато тоже только мой. Как и все эти пять квадратных метров площади.

Спасибо Макару, оказавшемуся мужиком больше, чем я всегда о нем думала. Мне не нужно ни с кем делить территорию, переодеваться на глазах у посторонних и искать случайно переложенные кем-то собственные вещи. Это в лучшем случае.

В худшем бывают и «милые» разборки между девочками, не поделившими понравившегося клиента. Сдобренные мордобитием, расцарапыванием лиц и выдиранием волос под нескончаемый визг и слёзно-сопельные вопли. Да, танцовщицы в ударе – это страшная сила. Пару раз сама видела, когда приходила к Лизе.

В такие моменты даже охрана замирает. Нет, ни от шока. Эти чудики молча ржут в сторонке и умудряются делать ставки, глядя на гладиаторские бои «куколок». Разнимают буйных, лишь когда Альбертик прибежит и, брызжа слюной,

рывать начнет.

Хорошо еще, что девчонки не додумались до подсыпания битого стекла в туфли соперниц. Я в одном фильме такую жуть видела. Но, «любовь» - она такая страшная штука, что легко на разные подвиги может сподвигнуть. И не важно, к мужчине или деньгам, его положению или кошельку. Главное, в красивую обёртку завернуть дурное дело.

Закидываю ноги на спинку дивана, прикрываю глаза. Расслабляюсь. Мне хорошо.

Люблю одиночество. Пусть это и звучит странно от девушки, танцующей время от времени на сцене. Но два месяца «общественной» деятельности не могут изменить натуру. Я – одиночка и уже вряд ли поменяюсь. Хорошо, что Лиза оказалась сильнее и пошла дальше. Не завязла, как я, в прошлом. Сестрёнка любимая.

Зарраза! Не время, сказала же!

Резко, звучно выдыхаю и, оттолкнувшись от дивана, соскакиваю на пол. Рефлексовать буду дома, в душе, в одиночестве.

Нахожу глазами резинку, что оставила на спинке мебели, когда готовилась к выступлению. Быстро перебирая пальцами, расчесываю волосы и заплетаю в свободную косу. Накидываю рюкзак обеими лямками на одно плечо. Подхватываю в одну руку джинсовку, в другую ключ от «гримерки» и выхожу в коридор.

Пять метров по прямой, резкий поворот влево и, отогнув

край плотных темно-бордовых тяжелых портьер, оказываюсь в зале. Киваю в строгих пиджаках мальчикам, стоящим в шаге и контролирующим, чтобы посторонние не гуляли, куда не надо. Принимаю в ответ улыбки, но не отзеркаливаю их. Вот еще. Любой лишний жест сразу на свой счет запишут, потом трусами не отмашешься, чтоб отстали.

Танцпол слева. Бар правее. Посетителей, как обычно, много, но не давка. Радует. Мысленно выдыхаю и делаю первый шаг, собираясь по привычке купить бутылку воды.

Глава 2

– Царевна Несмеяна, целую ручки.

Ваня выставляет перед тремя девушками, сидящими на противоположном конце барной стойки, сине-зеленые коктейли и, вытирая белоснежным полотенцем, висящим на плече, руки, подходит ко мне.

Улыбка во все тридцать два озаряет мужское лицо. Довольно симпатичное, гладко выбритое, с задорными ямочками на впалых щеках. А в зеленых глазах черти пляшут. Ну еще бы?! Достойная соперница по пикировкам пришла.

– Наше вам с кисточкой, Иван-царевич, – хмыкаю в ответ.

Радов мне нравится. Как внешне. Высокий, жилистый, подтянутый. Так и по общению. Приятный, ненавязчивый, легкий, а главное, без заскоков. Подкатив пару раз, как сказал, ради спортивного интереса и подтверждения звания главного Казановы этого места, но получив отказ, обиженку не включил, злобу не затаил, а спокойно переключился на приятельски-дружеское общение. Не забывая, однако, подкалывать и держать, так сказать, в вечном тонусе.

– Хорошо, что не дурак, – подмигивает шутник.

– Однозначно.

– Язвишь?

– Да как я смею? – пожимаю плечами, а-ля «я не при делах».

– И то верно, – ухмыляясь, качает головой. – Водички?

– Обязательно.

– Подойдёт? – наклонившись и достав небольшую пластиковую бутылку минералки, выставляет передо мной.

Озорной блеск в глазах. Предвкушающая улыбка.

И он, и я знаем ответ. Но, по привычке, тянем кота за хвост.

– Эй, бармен, можно на минутку!

Метрах в трех какой-то о-о-очень уставший молодой человек, упорно придерживая барную стойку, чтобы она не шаталась, фокусирует взгляд на Радове... или мне.

Не суть, кажется, мы ему напоминаем сиамских близнецов, то сближающихся, то расползающихся в стороны, так как глаза не могут толком зацепиться за нужного человека.

– Огненная вода – это сила, отключающая мозг, – выдает тихо Иван лишь для меня, и уже громче. – Одну секунду, сейчас подойду.

– Согласна, комбо в его случае – непозволительная роскошь.

Пока бармен занимается своими непосредственными обязанностями, отхожу немного в сторону. Справа успевает собраться небольшая толпа и уже нервирует. Бурно жестикулируя и со знанием дела жонглируя разными названиями выставленных на полках напитков, молодые люди не то хотят предложить своим дамам что-то действительно убойное, не то просто красуются, набивая цену.

Кажется, второе более реально. Чем дольше я скольжу краем глаза по лежащему рядом меню и поглядываю на озвучиваемые «вкусности», тем сильнее обалдеваю.

Охренеть, десять штук за пятьдесят граммов.

Сглатываю, замирая и стараясь переварить информацию. Выдерживаю паузу, качаю головой и вновь заглядываю в меню.

Нет. Не глюк. Нолики посчитала правильно. Ой, млин. Юные магнаты, штаны на лямках. Самим лет по двадцать, а пафоса столько, что из всех щелей вылезает. И девицы под стать. Прямо, выпускницы высшей школы светских львиц. Идеально идеальные гламурные чики.

Стоя рядом, чувствую свою нет, не ущербность, но ино-родность точно. Но, мне не привыкать. Отворачиваюсь, стараясь не глазеть на действительно красивых людей, словно только сошедших с обложки Vogue, и случайно пересекаюсь взглядом с мужчиной, сидящим в отдельной нише за ВИП-столиком. Замечаю это случайно, потому что «бегающие» по залу огоньки софитов на секунду освещают его лицо. Еще одно идеальное лицо в идеально-пафосном клубе.

– Продолжим?

Иван незаметно оказывается рядом.

– Конечно, – хмыкаю, сосредотачиваясь только на нем.

Так спокойнее.

– Я могу предложить тебе воду?

Лыбится зараза.

– Можешь.

– Подойдет?

Выставляет ту же самую бутылку, что доставал до этого. Знаю точно, заметила, где она стояла до.

Черти в глазах, лукавый прищур, ямочки.

– Спасибо, откажусь.

Прищуриваюсь в ответ.

– Точно?

– Да.

– Тогда выбери сама.

Кивает на стоящий практически полный ящик с минералкой.

Да, это посторонний нашего прикола не поймет, почему я не беру предложенное. И покрутит пальцем у виска. А всё просто: мне так однажды чуть не подсунули бурду сомнительного содержания. И нет, это был не Радов, а уже уволенный бармен, возомнивший себя круче всех и решивший легким способом добиться моего согласия на всё.

Проблему разрешили, но осадочек с тех пор остался. Как и память о хорошем уроке. Доверять никому нельзя.

– Вторую слева.

– Эту?

Иван ведет по крышкам бутылок, специально останавливаясь на соседней с нужной.

– Выше.

– Точно?

– Ага.

– Ла-адно, – вытащив ту, что мне приглянулась, ставит передо мной. – За счет заведения. Но с условием, что улыбнешься.

Качаю головой и достаю из заднего кармана джинсов сотку. Медленно кладу под уголок рядом лежащего меню. Всё это под внимательным взглядом Радова, совершенно не реагирующего на призыв очередного клиента.

Выдерживаю паузу. Хмыкаю и, подмигнув, улыбаюсь.

– Фух, – стирает призрачный пот со лба Иван и довольно ухмыляется, – теперь точно смена пройдет удачно.

– Балабол, – качаю головой и, отвинтив крышку, делаю первый глоток.

Хорошо. То, что нужно.

– Гурова, пойдем.

Останавливается в паре шагов от меня Альбертик, администратор клуба и шило в зад у всего обслуживающего персонала. Этот нудно-дотошный тип мертвого с ума сведет и заставит пить валерьянку ведрами.

– Макар Захарович ждет. Не тяни.

«Бегу-бегу, милый», – так и хочется съязвить в ответ.

Но привычно сдерживаюсь. Эта мурена не оценит. Альбертик и приколы – две непересекающиеся вселенные.

Да и вообще в клубе стараюсь вести себя как можно тише. Незаметно, конечно же, не получается в силу специфи-

ки работы. Но никакой болтовни с «подружками» за чашкой игристого, общих селфи на фоне туалета и дружеских разговоров за жизнь под сигаретку в курилке.

С «мальчиками» тем более ни-ни. Нет, ни в силу внутренней политики, установленной администрацией клуба, или из-за боязни получить оплеуху от любвеобильных «бабочек», присмотревших этого мужчинку себе раньше.

Просто работа – это работа, где не может быть места личному. Тем более, такая специфическая, как у танцовщицы ночного клуба.

Да, вот такая я двуличная жаба, считающая этот вид деятельности не совсем тем, чем можно хвастаться перед родителями и близкими людьми. Нет, в моем случае ничего аморального совершенно не присутствует. Пришла, станцевала несколько выходов, получила расчет, ушла. Об этом мы с Макаром договорились, как говорят, еще на берегу. Чтобы после не возникало никаких «непоняток» и недоразумений.

А про других вообще стараюсь не думать. Нет мне до них никакого дела. Совершенно параллельно, чем и с кем они занимаются в свободное время.

И не потому, что я такая возвышенная стерва. Куда там. Просто, если зрить в корень, это не моя работа, а Лизы. Я здесь, по сути, это она. Замена. В силу обстоятельств. Потому и друзья – не мои, и знакомые – поверхностные.

Просто знают об этой ситуации единицы. Те, кому положено. А остальные либо не догадываются, всё же мы близ-

няшки с сестренкой, а сдружиться она тут ни с кем не успела, либо молчат в тряпочку, что очень ценится Мелехом.

По винтовой лестнице поднимаюсь вслед за муреной на второй этаж, нависающий балконом над угловой частью зала. Тут всего пять столиков, окруженных мягкими кожаными диванами, небольшой фонтанчик у дальней стены и мини-зона с пилоном. Сейчас без подсветки, значит, девочку никто пока не заказывал.

Сама ни разу не видела, но сестра рассказывала, что иногда приходилось тут выступать. Лиза два года в клубе отработала, практически ежедневно с момента его открытия. Даже отпуск не брала. Зарабатывала любую копейку, чтобы быстрее разделаться с ипотекой. Это я лишь пару месяцев тут, да и танцую трижды в неделю. Потому большая часть знаний о жизни в этом месте – именно со слов сестры.

Все столики, естественно, заняты. Наверху лишь ВИПы и друзья хозяина клуба. Посторонних нет и быть не может. Мышь не проскочит, ведь у первой ступени лестницы безотлучно дежурит охранник.

– Привет, Соня, – Макар сидит один за дальним столиком у самого ограждения, имея возможность наблюдать за всем происходящим внизу.

Развалился по центру дивана, закинув руку на его спинку. Ноги широко расставлены. На столике стакан с чем-то темным. Явно не чай.

При моём приближении положение тела меняется. Ме-

лех садится прямее, показная пафосность и расслабленность растворяются не до конца, но достаточно, чтобы я заметила.

– Присаживайся.

Это мне.

– Свободен.

Остающемуся у меня за спиной Альбертику.

– Доброй ночи.

Делаю, что говорят, без разговоров. Стянув с плеча рюкзак, укладываю его на ближайший диван, и сама сажусь туда же.

Рядом с директором – никогда. Только, напротив.

– Здесь оплата.

Черный конверт, который до этого не замечаю, переезжает с одного края стеклянного столика на другой. Ближе ко мне.

– Спасибо.

Смотрю мужчине в глаза. Он взрослый. Именно так захотелось охарактеризовать его в первую минуту знакомства. Лет тридцати пяти. Сорока. Высокий, но не великан. Широкоплечий и коренастый. Лицо серьезное. Черты крупные, особенно подбородок. Взгляд острый, внимательный. В волосах еле заметная седина, что делает его еще солиднее, если так можно выразиться.

– Как ты?

Осмотрев меня мельком, останавливается на глазах и задает вопрос.

– Нормально, – отвечаю привычно, но по вмиг сощурившимся глазам понимаю, что эта фраза сейчас не проскочит.
– Я справляюсь.

– Уверена?

– Да.

– Я хочу помочь.

– Нет.

– Соня.

– Я откажусь, Вы же знаете.

Повторение того же самого разговора, что был в четверг и во вторник, и в прошлую субботу, и в прошлый четверг.

И так по кругу.

– Лиза без изменений.

Не спрашивает, утверждает.

Я знаю, он еженедельно звонит в клинику. Ну, или по его заданию это делает секретарь. Не важно. Главное, он действительно переживает вместе со мной. И, кажется, это единственный человек в мире, которому есть дело до наших проблем с сестрой.

Однако, его помощь я всё равно не приму. Потому что он – посторонний. А быть должной кому-то... нет. Никогда.

Уроки детства не забываются.

– Сообщишь мне, если будут изменения?

– Вы о них узнаете в тот же момент, что и я.

Говорю, как думаю. Уверена, медперсонал в клинике знает номер Мелеха намного лучше, чем мой.

– Я хочу, чтобы это сделала ты. И... если передумаешь...
Взгляд на конверт.

– Я всегда готов оплатить.

– Не передумаю. Вы и так слишком щедры. Мне пора.

Перехватываю, не глядя, лямки рюкзака, но не встаю.

Умеет Макар удерживать одними глазами, совершенно ничего не делая.

– Иди, Соня.

Отпускает легким кивком.

Глава 3

Конверт, лежащий на самом дне рюкзака, греет душу. И пусть Мелех никогда не задерживает с расчетом и, кажется, платит мне несколько больше, чем остальным танцовщицам, момента получения заработка всегда жду, сдерживая волнение.

Каждая копейка теперь на счету и требуется не когда-то там, а в определенный день еженедельно. И задержка чревата летальным исходом.

Сбегаю с лестницы, не глядя по сторонам, и уже хочу свернуть в сторону выхода из зала, чтобы идти домой, как мне заступают дорогу. Резко торможу, предотвращая столкновение, и вскидываю голову вверх.

Хм, ну, что еще ему надо?

Альбертик стоит передо мной, сложив руки на груди и широко расставив ноги. Надменная холодная улыбка на неприятном, пусть и очень красивом лице, взгляд пристальный. Только не прожигает, пусть и сильно старается.

Вообще фиолетово, что бы он не пытался мне внушить своим видом.

Стою, смотрю. Молчу. Эмоции не выдаю. Совершенно чистое, наивно-простое лицо. Ага, умею. Неужели не знал?

Ой, точно. Удивление скрыть не выходит, пусть и стремится.

Ну, и что тебе надо, чудо без перьев?

Задаю вопрос мысленно.

Ни слова от меня не дожидается мурена противная. Тут обычное дело принципа, ненавижу, когда тыкают, как собака, с первого дня знакомства и обливают презрением из-за надуманных закидонов.

Нет, я, конечно, знаю, что Альбертик к Лизе подкатывал, буквально проходу не давал и ревновал к любому телеграфному столбу, устраивая скандал за скандалом, пока она на чисто-русском матерном не послала его по конкретному адресу. И ладно бы, они встречались. Так нет же. Но его это мало интересовало. Вбил в голову, что она его будет. И хоть кол на голове теши, ничего не менялось.

А когда сестренка с Максом стала встречаться, а потом замуж за него вышла, этот ненормальный две недели пил и на работе не показывался. А когда явился, начал устраивать Лизе постоянные проверки, каждый шаг контролировал, девчонок натравил, замучил придирками и оскорблениями. Так и давил морально, пока она не ушла полгода назад.

Сволочь.

Вот и меня с первого взгляда возненавидел. Словно я виновата в том, что похожа на сестру, как две капли воды.

– Расчет получила? – не выдерживает первым.

– Да, – отвечаю спокойно, скрывая усмешку, что притаилась в краешках губ.

Замечает. Раздувает ноздри длинного породистого носа.

– Довольна, что первая в списке? Особенной себя возомнила?

Не выдерживает мурена, прищуриваясь. Не нравится ему мой открытый взгляд. Улыбка раздражает. Но мне параллельно. Глаза прятать не собираюсь. И вины своей не вижу. Сам пришел и к шефу позвал. Я не рвалась и у лестницы не караулила. Так чего лезть с непонятной настойчивостью?

– Что Вам нужно, господин администратор? – вопрос в лоб.

Время позднее. Меня кровать ждет, по которой я очень соскучилась. Да и общаться с этим индивидом нет желания.

Устала. А еще пилить и пилить пешочком до дома. Минут сорок по ночному городу.

Да, идиотка. Такси бы взять, чтобы приключений на пятую точку не заработать. Но триста рублей за поездку – тоже деньги. В моем случае ощутимые. Потому даже не задумываюсь о таком виде передвижения. Экономия – слово, с которым я засыпаю и просыпаюсь последние три месяца.

– Мне-то ничего. А ты, смотрю, шустрая. Не успела устроиться, уже к Макару Захаровичу в койку метишь? Желаешь перспективного мужика окрутить?

Нет, придурок, сейчас я мечтаю заехать тебе по роже. Наглой и противной.

Но не стану. Варись сам в своей ненависти, а меня не пачкай.

Отвечаю мысленно, а в слух совершенно иное:

– Вы ошиблись, Альберт Леонидович. Еще есть ко мне какие-то рабочие вопросы?

Легко удерживаю прежнее выражение лица. Ни за что не позволю этому человеку увидеть, что его слова меня унижают. Вот уж шиш ему с маслом.

Ой, кого-то Кондратий, похоже, скоро хватит, если мы не разойдемся. Вон уже и глаз дергается. Но мурена сам виноват. Не надо цепляться ко мне.

Не зря же говорят, будь добрее, и люди к тебе потянутся.

– Следующая смена через два дня! – рыкает он, как хороший бульдог.

Понятно. Сказать мужику больше нечего.

– Спасибо, я помню.

Разворачиваюсь и спокойно, не торопясь, направляюсь в сторону выхода.

– Стерва, – доносится в след.

А я улыбаюсь.

Ну, надо же, похвалил.

В фойе стягиваю перекинутую через рюкзак джинсовку и надеваю на себя, застегивая на все пуговицы. Вечером уже бывает прохладно, а я такой зяблик, что и днём могу замерзнуть.

Подхватываю рюкзак, решая и его пристроить на спине, чтобы руки были свободны. Так, на всякий случай. И только по ощущениям понимаю, что кого-то сзади задела. Хотя до этого момента никого не видела.

– Простите, – оборачиваюсь с извинениями.

И встречаюсь глазами с мужчиной. Очень высоким. Таким, что голову задирать приходится, хотя и я не маленькая. Метр семьдесят три, как-никак.

– Ничего страшного, – кивает он, внимательно меня рассматривая.

– Отлично, – выдыхаю, радуясь, что хоть тут без разборок обошлось. – Хорошего вечера.

Желаю мистеру-незнакомцу с улыбкой, удивляющей меня до глубины души, и выхожу на улицу.

Спину жжёт внимательный взгляд, но я не оборачиваюсь. Домой-домой.

– Евгений Иосифович, добрый день! Это Соня Гурова, – выпаливаю в трубку, как только гудки сменяются глубоким ровным голосом.

– Приветствую, Софья Викторовна.

И пусть по паспорту я – София, мне совершенно неважно, как лечащий врач сестры изменяет мое имя. Пусть хоть Зиной называет, главное, хорошо выполняет свою работу.

– Завтра утром мы вводим Вашей сестре последнюю дозу необходимых препаратов. Вы же помните? А вот дальше поддерживать её уже будет сложнее. Отечественный заменитель всё же слабоват. Но мы приложим все силы...

– Евгений Иосифович, – перебиваю, зная, как тот любит увлекаться и минут по десять мусолить каждый момент. –

Я нашла деньги на следующие две недели. Поэтому и звоню. Можете делать предварительный заказ на медикаменты. Оплачу сегодня через пару часов.

– Вот как? Прекрасные новости, Софья Викторовна. Тогда дам команду девочкам подготовить всю документацию, а Вы постарайтесь попасть в бухгалтерию сегодня и обязательно до пяти вечера.

– Непременно. Скоро буду выезжать, – киваю, как китайский болванчик, улыбаясь.

Хорошее начало дня. Очень хорошее. Я смогла дозвониться до нейрохирурга с первого раза и договориться о продлении курса подпитки для роднульки.

Честно, в последнее время в удачу практически перестала верить. Как и в то, что плюсов в жизни случается гораздо больше, чем минусов. Ведь врач вполне мог не взять трубку, потому что находится на операции или проводит осмотр, или ушел в отгул, заболел, элементарно проигнорировал входящий. Мог начать тянуть резину, прикрываясь бумажной волокитой или сжатыми сроками. Но нет. Действительно повезло.

– Я хотела бы навестить Лизу после оформления документов. Хотя бы на пару минуточек заглянуть. Это возможно? – на волне радостного позитива выпаливаю с надеждой.

– Конечно. Я предупрежу персонал.

Чувствую бодрые нотки в голосе эскулапа. Он же тоже не железный, в душе за каждого пациента переживает, хотя и

выглядит суровым непробиваемым куском льда.

– Спасибо огромное, Евгений Иосифович, – повторяю, как попугай, по третьему разу имя и отчество лечащего врача.

Но мне не сложно. А человеку приятно. Любит он, когда к нему уважительно и с поклоном обращаются. Спасибо медсестре Катерине, это она подсказала, когда провожала меня в палату сестренки в первый раз.

Вот я и стараюсь от души, используя все возможности и средства.

Отключив телефон, перевожу взгляд на конверт, полученный вчера от Мелеха, и не удержавшись, вновь пересчитываю деньги. Пятьдесят за две недели. Слишком много за мои шесть выходов. Отлично это понимаю, но смиряю гордость. Именно столько нужно для закупки на следующие полмесяца препарата, снимающего боль.

Потому, точно не пойду устраивать разборки к Макару. А «спасибо» мысленно скажу непременно, и ни один раз. Раз слушать напрямую он не желает.

Большой Босс, как зовут его все за спиной, меня здорово выручает. Уже то, что взял, по сути, незнакомую девчонку в клуб с улицы, без рекомендаций, о многом говорит.

Я же нигде не выступала до этого. Никогда. И не планировала. Оконченная когда-то школа танцев не в счет. В юности ходила в нее, только чтобы с сестрёнкой быть почаще рядом. Это Лиза погрузилась в танцы с головой, отдавая душу. Я же

выбрала более приземленную и тихую гавань.

Одна шебутная, пробивная и смелая малышка, вторая – тихая, уравновешенная и любящая быть в тени. Всегда вместе, всегда взявшись за руки. Две похожие друг на дружку, как капельки воды. Вдвоем против жестокого мира, готового сожрать с потрохами любого зазевавшегося, а наивных крох, тем более. Совершенно одни, потому что в неполных восемнадцать лет близких рядом совсем не осталось, а дальним родственникам мы нафиг не упали.

Так, хватит о грустном! Качаю головой, вытряхивая ненужное самокопание из головы. Всё хорошо. Ну, в меру сил и того положения, в котором оказалась на данный момент. Поэтому, прочь, уныние! На тебя нет времени.

Складываю деньги аккуратной кучкой и вновь убираю в черный конверт с логотипом «Фараона». Даже этот дорогой кусок бумаги всем видом демонстрирует лоск, достаток и уровень, к которому мы с сестренкой никогда не имели отношения.

Ну и ладно! Зато всегда друг у друга были мы. И есть! И будем! Я для этого все силы приложу.

Соскакиваю с кровати. Да, вот такая я молодец, умудрилась набрать врачу, находясь прямо в постели. И, одернув вниз задравшуюся футболку, босиком топаю на кухню.

Мне срочно нужна порция кофеина, чтобы заставить мозг проснуться и начать работу. Потому что мою основную деятельность, именно мою, а не Лизы, ту, которой я занимаюсь

уже более четырех лет, и именно она меня кормит, никто не отменял. А значит, нужно соблюдать установленные сроки.

Включаю ноутбук, стоящий прямо на кухонном столе. И пока он грузится, подогреваю электрочайник.

Вместо полезного завтрака, к которому не приучена, бутерброд с сыром и колбаской и большая чашка чая. Все это поглощаю в момент, рассматривая жизнь родного двора за окном.

Мальчонка лет восьми, нога за ногу, выносит мусор, по пути вертя головой и явно выискивая друзей. Молодой парень бегом несется к машине, явно опаздывая, потому что, не прогревая двигатель, тут же стартует прочь. Две подружки выгуливают собачку, больше похожую на крыску, настолько она мелкая и трясется, что я с пятого этажа это отлично вижу. У соседнего подъезда во всю заседают наши старожилы – четыре бабульки, знающие всё и про всех. О, вот и пятая подгребает. Однозначно из магазина, о чем подсказывает пакет «Пятерочка». Так, явно что-то интересное на хвосте принесла, потому как разговор из спокойного постепенно переходит на более энергичный, сдобренный активной жестикуляцией.

Так, ладно. Это всё интересно, но бутерброд не резиновый и давно съеден. Споласкиваю чашку из-под обязательного утрешнего чая и с огромным удовольствием наливаю обожаемый кофе. Добавляю сливки. Утаскиваю из НЗ запаса конфетку и, поставив все это на подставочку перед ноут-

буком, забираюсь с ногами на угловой диван.

Теперь можно и на работе сосредоточиться.

Глава 4

Десять минут быстрым шагом до нужной остановки, две пересадки на общественном транспорте. И вот, спустя час и двадцать три минуты, я оказываюсь в поселке Рождествено, где расположен закрытый медицинский центр для людей с заболеваниями и травмами нервной системы. Ну и моя Лиза тоже.

Нет, Центр «Здоровье», естественно, не закрыт, это я его так охарактеризовала, потому что хорошо понимаю, что простым смертным сюда просто так не попасть. Не потянут финансово. Вот и мы не смогли бы. Но... Мелех неожиданно помог.

А я не смогла отказаться. Потому что в обычной больнице моя сестра не протянула бы и дня. Не потому, что там люди безразличнее, ремонт дешевле или врачи не такие высококвалифицированные. А потому, что условий необходимых нет, оборудования специального, медикаментов импортных, какие можно заказать тут и, конечно же, круглосуточных медсестер, которые к каждому пациенту поштучно приставлены, а не одна-две на весь этаж.

– Добрый день, – молодой охранник внимательно изучает вначале меня, потом паспорт, а дальше просит коллегу проверить список посетителей, которым разрешен допуск на территорию.

Не переживаю, поскольку за три месяца уже привыкла к этой процедуре. И даже охранники почти все знакомые. Но правила – есть правила. Никто не хочет вылететь с насиженного хлебного места, позволив себе расхлябанность или непрофессионализм.

Подозреваю, тут на лечении находятся такие пациенты, за любую информацию о которых некоторые желтые газетенки с удовольствием продадут не только душу, но печень. Потому всё строго до жути и никаких отступлений и исключений не делается ни для кого.

– Проходите пожалуйста, София Викторовна, – датчик на магнитной кованной двери с красного перещелкивается на зеленый, и Соколов Олег Иванович, как написано на нашивке спецформы, распахивает передо мной калитку и приветливо улыбается.

Кажется, у них даже улыбки строго регламентируются, а также степень растяжения губ для той или иной категории родственников.

Шучу, естественно. Но это нормально. Нервное. Всё же я не в санаторий к сестре приехала. А в место, где...

– Прошу за мной.

Вовремя сбивает с угнетающей мысли Соколов, и я, благодарно кивнув, пристраиваюсь следом за провожатым.

Большое трехэтажное неправильной формы здание внутри оформлено в светло-серых и голубых тонах, а все стены украшены репродукциями на совершенно разные темы. Не

больница, а художественная галерея, приходит на ум сравнение.

Только медсестры, мелькающие то и дело на этажах и приветливо улыбающиеся, словно старую добрую знакомую повстречали, напоминают, что это не так.

Пока доходим до второго этажа, успеваю насчитать четыре зоны отдыха, оборудованные не только удобными креслами и диванчиками с соседствующими поблизости журнальными столиками, где даже журналы и газеты разложены идеально симметрично. Но и мини-фонтанчики, и кондиционеры, и очистители воздуха. А также множество зеленых насаждений в горшках, кадках, металлических кашпо и разновысоких подставках. Рядом обязательно присутствуют кулеры с водой и аппараты для приготовления кофе, как ни странно.

– Бухгалтерия, – кивает на массивную из белёного дерева дверь Олег Иванович, хотя я и сама прекрасно это знаю. Была уже здесь раз шесть, если не больше, да и на стене рядом со входом большая табличка четко сообщает, кто сидит в этом кабинете. – Девочки предупреждены и ожидают.

– Спасибо.

– Оставляю Вас, – чуть склоняет голову охранник и, дождавшись, что я приоткрою дверь, отступает в сторону, готовясь вернуться на свой пост.

Моего ответа не требуется. Да и не расположена я к болтовне. Серьезное учреждение. Серьезные проблемы. Серьез-

ная я.

– Здравствуйте, – приветствую трех девушек, что обращают на меня внимание, как только вхожу.

– Добрый день, София Викторовна, рады видеть вас у нас. Хочется ответить, что шутка довольно несмешная, но молодая бухгалтерша и сама понимает, что ляпнула что-то не то.

– Проходите, пожалуйста, – тут же включается девица в рабочий режим. – Я все документы подготовила. Проверьте данные и распишитесь. Я отметила галочками нужные места.

Всё стандартно, и этот щебет, в принципе, мне совсем не нужен, вполне достаточно легкой веселенькой мелодии, что негромко звучит из колонок, подключенных к системному блоку.

– Все правильно, – поставив последнюю подпись, возвращаю стопку бумаг Анне Константиновне.

Ага, снова бейджик читаю от нечего делать, пока работница скрупулезно проверяет каждый заполненный мною лист. Фамилия интересная – Жук. Прикольно.

– Отлично. С Вас вот эта сумма, – складывает на калькуляторе итоги по трем договорам, которые я подписала. – Карта или наличные?

– Наличные.

Оплачиваю необходимое, и вот уже новое действующее лицо появляется в пределах видимости.

– София Викторовна, прошу за мной. Я провожу вас в

палату к сестре, – светловолосая медсестра в светло-розовой униформе, состоящей из брючек и рубашки с коротким рукавом и воротником-стойкой, застегивающейся сзади на пуговицы, мило улыбается и шире распахивает дверь, ожидая, когда я застегну рюкзак. – Евгений Иосифович разрешил Вам побыть в палате полчаса.

Кажется, эти «полчаса» девушка воспринимает как некую великую щедрость от местного светила и божества. Не знаю, может, моё воображение просто штормит, вот и думаются глупости. Но, я всего лишь слабая девчонка, поэтому стараюсь держаться, как могу. Вот и пытаюсь цепляться за всякие нелепости, чтобы не сорваться, не разрыдаться, не закатить истерику.

Я. Должна. Быть. Сильной.

И я буду.

– Вам сюда, – указывает блондинка на дверь, когда мы останавливаемся почти в самом конце левого крыла на втором этаже. – Я вернусь, когда подойдет время.

Киваю без слов, так как комок подкатывает к горлу, и мне кажется, я не смогу и слова сказать. Но нет, ошибаюсь. Глубоко вдохнув и медленно выдохнув, уверенно беру за ручку и, опустив ее вниз, толкаю вперед дверь.

– Привет, родная. А вот и я.

Домой возвращаюсь на полном автопилоте. Именно в таком режиме проходят и следующие два дня. Нет. Я не ре-

флексирую, не летаю в облаках и не лежу пластом на диване, жалея себя и проклиная судьбу-злодейку, а усиленно работаю над очередным проектом, который прислал Дэн. Во-первых, это здорово помогает отвлечься от упаднических мыслей, во-вторых, приносит неплохой заработок.

Тем более, сроки установили небольшие, в связи с чем гонорар прилично подрос, но за это нужно перелопатить очень большой объем данных. Разработать макет, согласовать с капризной леди Ви, как я прозвала заказчицу Виолетту Романовну Волконскую, прошерстить сайты поставщиков и сделать полный расчет по отделке каждой зоны огромной двухуровневой квартиры, насчитывающей примерно четыреста двадцать квадратов.

Я – проектировщик и дизайнер в одном лице, сопровождающий дизайн-проект с нулевого этапа и до момента представления объекта заказчику. Естественно, всё и всегда согласовывается с ним на всех этапах работы. От высоты носика смесителя в мойке на кухне до формы бачка унитаза в санузле. Но, нередко выплывает, что, пощупав и даже понюхав напольную плитку в ту же ванную комнату и оставшись довольным представленной расцветкой, фактурой и толщиной, хозяин приходит на показ выполненных работ, а там случается «швах»:

«– Но я хотел фисташковую с крошкой.

– Это она и есть. Могу предоставить в качестве подтверждения наше общение в видеочате.

– Мне казалось, что крошка в прошлый раз была чуть мельче и не так часто раскидана по плитке, а реже, значительно реже.

– Вам высылались фото образцы с нарочным для согласования, есть бланк за Вашей подписью.

– А у него в распечатке точно фисташковый цвет был именно таким блеклым? Кажется, сейчас он выглядит немного пыльным.

– Один-в-один. Вот у меня копии снимков. Может, вы смотрели при дневном свете или у окна? Здесь же освещение точечное, как Вы заказывали.

– Да? Потолок я еще не смотрел. А почему лампочек только 12? Хотелось бы побольше.

– Вы сами велели убрать три «лишние» над джакузи, как я предлагала в 3D-проекте?

– Хм, совсем из головы вылетело. Я передумал. Хочу эти три лампочки назад. Ага, как вот на картинке.

– Потолок придется монтировать заново. Расходы возрастут.

– Ничего страшного. Зато пыльная фисташковая плитка будет более свеженько смотреться...»

И примерно так же по всем остальным пунктам.

Весело? Не то слово!

Скучать точно времени не остается, как и заниматься наматыванием соплей на кулак. Что само по себе – большой плюс.

Но поторапливаться нужно в любом случае. Звонка из роддома ожидаю каждый день. Со страхом и нетерпением одновременно. До сих пор не понимаю, как нужно относиться к происходящему, но то, что произошло чудо – не поддается никаким сомнениям. И я от этого испытываю не просто радость, буквально эйфорию. Потому что новая жизнь – это яркий лучик солнца в крошечной тьме, куда мы с сестренкой попали.

Эх, Лизонька, милая, борись! Борись и не опускай руки! Ты нам очень нужна! Мы же без тебя не справимся!

Обращаюсь мысленно к сестренке, шмыгнув носом, когда делаю очередной перерыв, чтобы немного покушать, а точнее заварить себе пятую или шестую за день чашку кофе и сварганить бутерброд. Это всё, на что хватает сил и желания. Хорошо, что еще хлеб остался. А-то и его купить порой забываю, как уже бывало ни раз и ни два.

Через пару часов снова предстоит ехать в клуб и танцевать. Полуголой появляться перед толпой разгоряченных алкоголем и азартом мужиков с сияющими похотью глазами и руками, желающими подтащить к себе поближе, подмять посильнее и сделать всё, на что больной фантазии хватает.

Но ничего, я справлюсь. Справлюсь со всем. И с похабными выкриками, и с голодными, раздевающими, надменными взглядами, и с презрением Альбертика, и с непристойными предложениями охранников. И сестренку непременно вытащу из того кошмарного состояния, в котором она сейчас пре-

бывает...

Всё будет хорошо...

Твержу, как мантру.

ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!

И наплевать на то, что Шацу не нравится общее состояние сестры из-за ухудшения некоторых показателей. Евгений Иосифович ведь может просто-напросто перестраховываться, дуть на воду. Лиза у меня молодая совсем. Организм у нее сильный. Всю жизнь спортом занималась, танцами, акробатикой. Она поправится и непременно будет жить долго и счастливо. Ну не может же один несчастный случай перечеркнуть всё?

Черт! Может... Конечно, может. Но о Максе думать не хочу. Иначе точно расплачусь. А мне нельзя. Потому что танцовщица элитного ночного клуба «Фараон» обязана выглядеть идеально. И никаких исключений быть не может.

Фух, ладно!

Мы, Гуровы – девчонки сильные. Сдюжим. Непременно со всем справимся. Лиза выйдет из комы и поправится, а я позабочусь обо всем остальном. А потом мы обязательно заживем все вместе, дружно и весело.

Сколько раз слышала, что мысли материальны.

Вот и буду думать позитивно, а не нагонять тоску и безнадegu.

Киваю самой себе и, налив очередную чашку кофе, подхожу к окну. Моему личному телевизору и успокоителю, че-

рез который я наблюдаю мир за окном.

Глава 5

Клуб еще на подходе встречает, нет, не громкой музыкой, а простреливающими сквозь тело битами.

Туц, туц, туц.

Секунда-две-три. И вот ты уже втягиваешься в ритм. Он заряжает динамикой, насыщает энергией. Будоражит кровь. Каждый последующий шаг сам собой подстраивается под композицию, словно запрограммированный. Становится легче, плавнее. Тело ведет в попытке сделать движение плечами, распрямить спину, вильнуть бедрами.

Да, музыка чарует, утягивая в свой мир...

Киваю охране, стоящей на улице у входа и неторопливо пропускающей посетителей. Небольшая толпа их совершенно не напрягает. Привыкли. Как и я. Неудивительно, в субботний вечер мало кому хочется сидеть дома, особенно если возможности позволяют, и есть желание отдохнуть в веселой компании.

Меня замечают, улыбаются шире, теряя интерес к тем, кто мнется у входа. Тут же отодвигают их в сторону, давая возможность пройти без помех.

– Один момент, уважаемые, – басит Семен, двухметровый широкоплечий здоровяк, делая шаг вперед. – Все попадете в клуб, не надо так волноваться и возмущаться, - и уже мне. – Ждём выступления, Златовласка.

– Спасибо, – киваю, по привычке без улыбки, и ныряю внутрь.

На бубнеж и фырки со стороны не обращаю внимания, привыкла. Пусть подавятся ядом, ко мне не прилипнет.

Настроения, естественно, нет. Душевное состояние – полный раздрай. Но нужно работать. И именно этим я сейчас займусь. Прикрываю на несколько мгновений глаза, делаю глубокий вдох и еще более глубокий выдох. И приступаю к нанесению обязательного макияжа.

Привычная программа проходит, как по маслу. После первого танца делаю перерыв на пятнадцать минут, необходимые девочкам, ставящим программу втроем. Совсем немного изменяю второй номер из трех, а завершив последний, как обычно, исчезаю.

Смыть грим, нанести увлажняющий крем, переодеться, отдохнуть пять минут в тишине на диване. Все действия выполняю на автомате. Сегодня нет надобности встречаться с Макаром, поэтому собираю вещи в любимый рюкзак, накидываю ветровку, чтобы не делать этого у выхода, и, заперев дверь, выхожу в зал.

Через пять минут я буду на улице, еще через полчаса – дома. Проговариваю себе план действий, когда меня очень сильно толкают в бок. Удержаться после такого на ногах нет никакой возможности. Так же, как и сгруппироваться. Поэтому просто прикрываю глаза, с секунды на секунду ожидая удара либо об пол, либо о столб, как не повезет.

– Ух, поймал, – звучит над ухом голос, одновременно с тем, как я впечатываюсь во что-то очень жесткое, но живое.

– Уже можно смотреть.

Чуть ехидный смешок задевает. Распахиваю глаза.

– Привет, – мужчина улыбается, а я просто моргаю, приходя в себя.

– Спасибо.

Произношу положенное, когда оказываюсь на своих двоих.

– Этого слишком мало за мой благородный подвиг, – качает в ответ головой.

– Что тогда?

Хмурю брови, туго соображая. Все же ситуация нестандартная, и ей получается выбить меня из привычного состояния отрешенности.

– Десять минут твоего драгоценного времени, – над ответом, кажется, мужчина совершенно не думает. Будто знает его давно.

Приподнимаю бровь, ожидая дополнительных пояснений.

– За моим столиком. Всего лишь, – добавляет вновь ехидно. – А парни как раз тут закончат выяснять отношения и махаться.

Только сейчас замечаю, что драка двух подвыпивших ма-чо-мэнов еще не закончилась, а немного сдвинулась в сторону. Но недалеко. Все равно опасно. А охрана, на удивление, не сильно спешит, а медленно подтекает.

– Хорошо, – соглашаюсь, удивляясь самой себе.

Это что-то новенькое в моем исполнении.

Но передумать уже поздно. Незнакомец перехватывает мою ладонь и тянет за собой.

ВИП-столик незнакомца расположен на невысоком подиуме, искусственно отгорожен с трех сторон металлическими поручнями и черными массивными столбами-колоннами, поддерживающими второй этаж-балкон. Всё вместе создает некую интимность и уединенность. Присаживаюсь на один из трех небольших диванчиков, окружающих овальный стол, и медленно осматриваюсь.

Дорого, комфортно и мило.

Никогда не была в зале со стороны зрителей. Ну вот, попробовала. Неплохо, но всё равно дома лучше и спокойнее.

Осмотревшись, перевожу взгляд на незнакомца. И припоминаю парочку моментов. Первый – моё выступление в прошлый раз и... Это тот мужчина, с кем я случайно пересеклась взглядами. Странно, что запомнила. Но не сомневаюсь, что был он. Хм, вечный тусовщик? Слабо похож, но кто ж его поймет.

Второе – опять же прошлое выступление. Я задела его рюкзаком, когда собиралась идти домой. Да, точно. Именно его.

– Всё в порядке?

Ловит мой внимательный взгляд на себе и легко его удерживает.

живает. А меня ведёт от этого. Никогда за собой такой глупости не замечала, а тут поплыла.

– Да.

Выдыхаю одними губами, а он, как хищник, тут же фиксируется на них. Моргаю, стараясь сбросить наваждение. Замечает, чуть приподнимает краешек губ в усмешке и кивает на стол.

– Хочешь?

– Нет, спасибо.

– Это вкусно, попробуй.

Мужчина предлагает мне свой напиток, наклоняется слишком близко, говорит уверенно и громко, чтобы я слышала. От музыки, что звучит на весь клуб, закладывает уши. Биты отбивают ритм, внутри все вибрирует.

Но вот от музыки ли только?

Точно нет.

Он очень близко, непозволительно. Пахнет приятно, тонкие ноты черной смородины и бергамота. И шлейфом кедр и мускус.

М-м-м, втягиваю незаметно чуть глубже. Идеально.

Не люблю все эти термоядерные парфюмы, которыми некоторые орошают себя в таком количестве, что уже не просто пахнут, а воняют. Здесь же безупречный баланс.

Его теплая рука на моей талии, ну почти, держит уверенно, слегка поглаживая. Я позволяю, что удивительно, не испытывая никакого дискомфорта. Наоборот, мне нравится.

Словно так и должно быть, ей там самое место.

– Попробуй.

Вновь предлагает змей-искуситель, слегка улыбаясь. Чувствую его взгляд на моих губах, отчего меня вновь ведет, а мотыльки внутри нервно бьются о ребра.

Я точно не пьяная? Конечно нет, я пила лишь обычную минералку, принесенную с собой.

Смотрю в его глаза, карие. Практически черные, что зрачка не рассмотреть, красивые и наглые. Короткая стрижка, темные волосы, нос прямой, словно ни разу по нему в молодости не получал, двухдневная щетина. Не успел побриться или не захотел? Мужчина улыбается, показывая ровный ряд белоснежных зубов.

Черная рубашка, закатанные до локтя рукава, классические темные брюки. Наверняка только из офиса, решил отдохнуть после тяжелой рабочей недели и заработанного очередного ляма денег. Почему нет? Судя по массивным часам из белого золота на запястье, я еще и приуменьшила его доход.

Сколько ему? Тридцать? Тридцать пять? В этом пафосном, очень дорогом клубе с не менее пафосным названием «Фараон» нет случайных, залетных посетителей или простых работяг. Да и не похож он на электрика или мелкого клерка. Скорее, владельца заводов, газет, пароходов.

Склонив голову, смотрит в упор, изучает меня. Как забавно, я ведь тоже умею так. Но не сейчас, не с ним. Сейчас ме-

ня неслабо ведет, штормит, тянет к нему магнитом.

Мотыльки в животе краснеют и обмахиваются платочками. Облизываю губы, на которых он вновь заостряет внимание. Яркие вспышки неона, музыка меняется, становясь чувственно-напряженной. Мое сердце начинает биться в такт вместе с ней.

– Попробуй.

Очередное предложение. Только вот мне кажется, что это уже не про напиток. Меня несет вперед. Фокусируюсь на безумно притягательных губах. Планируя сделать что? Ужели осмелюсь сама поцеловать?

Наклоняюсь ближе, ловя свежее дыхание. Прикрываю глаза, готовясь раствориться в...

Ощущаю, как легкая щетина скользит по щеке, слегка царапая, и слышу глубокий ровный голос, звучащий как бы издалека.

– Извини, я брезглив. Но ты можешь поцеловать его...

– Что?

Отклоняюсь, хмуря брови. Мне показалось, или он действительно сказал то, что сказал?

– Можешь поцеловать его, – повторяет, мимолетно указывая взглядом на ширинку, а затем расплывается в порочной улыбке засранца, возомнившего себя... кем? Крутым челом?

– Не переживай, денег хватит, чтобы тебя отблагодарить. Мерзавец.

Что ж, подловил. Но попробую отыграться.

Плавню скольжу взглядом от жгучих глаз вниз, туда, где топорщатся брюки, явно намекая, что да, вот она – цель. Медленно облизываю нижнюю губу, увлажняя её. Склоняюсь к мужчине и, обжигая дыханием, шепчу на ухо. Надеюсь, чувственно:

– Пошел в жопу.

Подтягиваю к себе рюкзак, намереваясь уйти, и чувствую вибрацию. Телефон. В такое время?

Озноб мощной волной окатывает все тело, сердце на секунду сбивается с ритма и начинает частить, как сумасшедшее. Руки дрожат, и у меня только со второй попытки получается растянуть тесемки и достать гаджет.

«Евгений Иосифович Шац»

Высвечивает экран. И я трушу, как заяц, боясь, принять вызов. В душе уже понимаю, что могу услышать, но оттягиваю этот момент, насколько возможно.

Звонок резко обрывается, и наступает тишина. Оглушающая для меня. Нет, в клубе всё также шумно и весело. Но всё это меня обтекает, не касаясь.

Морально готовлюсь сама сделать звонок врачу, но входящая смс-ка опережает.

От Шаца.

Прикрываю на мгновение глаза, открываю.

«Сердце не выдержало. Мне очень жаль. Мы сделали, всё, что могли».

Не-е-ет!

«Сердце не выдержало. Мне очень жаль. Мы сделали, всё, что могли».

Пробегаю раз за разом по сухим предложениям, в этот момент перекраивающим мою жизнь по новой.

Дикая боль, как разряд молнии, прошивает насквозь. Но я даже плакать не могу. Как ненормальная, стою и пялюсь в телефон, уже не видя строк. Да это и не нужно, они намертво отпечатываются в памяти.

– Эй, всё в порядке?

Слышу голос со стороны и хмурюсь. Мужчина, про которого успела забыть, прищурившись, смотрит на меня. Внимательно, въедливо, словно пытается считать по лицу информацию, которая ему недоступна, но необходима.

– Нет.

Отвечаю правду. Всё не в порядке. В полном, мать его, беспорядке.

В груди горит огнем, по венам вместо крови струится кислота, разъедая внутренности. Мне больно. Очень-очень больно в душе. Сжимаю зубы с такой силой, что ещё чуть-чуть, и они раскрошатся. Но мне этого мало, я хочу, чтобы стало еще больнее, но уже физически, чтобы я сгорала в агонии. Хочу забыться.

– Я могу чем-то помочь?

Опять брюнет отвлекает от навязчивых мыслей, сбивает,

хотя...

Прищуриваюсь и смотрю на него внимательнее. Сексуальный, сильный, уверенный в себе. Не отталкивающий, конечно, если не вспоминать его непонятную последнюю фразу про брезгливость.

Подходящий экземпляр для моих планов. Да, точно, тыто мне и нужен. Делаю вывод.

– Что там?

Киваю на напиток в бокале, который всего несколько минут назад так настойчиво мне предлагал этот змей-искуситель.

– Коктейль, – отвечает через паузу.

Что, милый, теперь ты подзавис? Ничего, бывает.

– Угостишь? – приподнимаю бровь.

Мне нужен алкоголь для смелости, забыться он все равно не поможет.

– Конечно, – пододвигает ближе.

Еще секунду гляжу ему в глаза, потом вытаскиваю ненужную соломинку, откидываю её на пустую тарелку и выпиваю залпом.

Во рту разливается горько-сладкий апельсиновый вкус с нотками лайма, в груди зарождается тепло. Отлично. Три глотка, а меня и с них ведёт. Да, не привыкла я к такому. Ну и ладно. Так даже лучше.

– Предложение еще в силе? – приподняв в усмешке кончик губ, задаю интересующий вопрос и демонстративно пе-

ревожу взгляд на ширинку.

Желваки, заигравшие на мужских скулах, не может скрыть даже двухдневная небритость. Факт радует несказанно. И пусть мотыльки в груди уже давно от моей смелости лежат в обмороке, отступить не собираюсь.

Неужели, красавчик, ты меня на слабо брал? А ведь почти подловил. Или же нет? Приподнимаю бровь, ожидая ответа.

Да, мне сейчас море по колено. Я хочу боли. Я ее получу.

– Обещаю обойтись без поцелуев, которые ты не приемлешь, – поддеваю, ухмыляясь шире.

Ну же? Не тяни. Кто из нас кисейная барышня?

В груди снова начинает печь, как только перед внутренним взором возникают слова из смс-ки. Черт, мне срочно нужно переключиться, чтобы не сгореть заживо.

Ну же, мистер понты, озвучь решение?

– В силе, – произносит с вызовом.

Хм, отлично.

Именно это мне и нужно.

Глава 6

Минута моего триумфа обрывается. Он снова всем управляет. Перехватывает мою ладонь, тянет за собой. Успеваю подцепить рюкзак и иду за мужчиной, пробираясь через танцпол и толпу народа. В воздухе чувствуется отчетливый запах алкоголя и кальянного дыма. В груди от громкой музыки все вибрирует. А еще от того, что мне предстоит.

– Ну, и где тут у вас комнаты для уединения?

Останавливается перед тяжелыми портьерами, прикрывающими вход в коридор для персонала. Осматривает меня голодным взглядом сверху вниз и обратно.

Ожидает... чего?

Что струшу? Пойду на попятный?

Нет.

Я все решила.

Уже сама делаю шаг вперед и веду его за собой в свою личную кандейку. Почему нет? Диван там есть, остальное не столь важно.

Мотыльки в груди стыдливо прикрывают глазки ладошками. Ведь я даже намеков на такое никогда не допускала. А тут опустилась до секса с незнакомцем. Но совесть молчит. Все равно возвращаться сюда я больше не планирую. Нет больше цели зарабатывать танцами, нет смысла перебарывать три раза в неделю стыд от мелькания перед толпой в по-

луголом виде. Все рассыпалось, как карточный домик.

Открываю дверь, пропускаю мужчину вперед. Может, сам передумает?

Нет, проходит и, ощущая себя хозяином положения, садится по центру дивана, широко расставив ноги. Обстановка его вообще не интересует, судя по тому, что смотрит только на меня.

– Сюда иди.

Переход к приказному тону настолько неожиданный, что я не задумываюсь. Завожу руку за спину и просто защелкиваю замок на двери. Возврата не будет.

Сама не замечаю, как рюкзак выпадает из рук, и я делаю первый шаг. Добровольно, удивляясь самой себе. Потому что это не его решение, мое.

Сердце стучит, как бешенное, с предвкушением и острой тянущей болью.

– А ты – смелая малышка, да?

Не отвечаю. Ему мои ответы и не нужны. Он разглядывает меня, словно видит впервые. Хотя, уверена, за столиком и так рассмотрел всю от и до.

Что ж, смотри. Стягиваю джинсовку и откидываю, не глядя, в сторону. За ней следует футболка. Майка вдогонку. Смотрю в глаза. Сейчас совершенно черные. От карей радужки не осталось и следа.

Дышит глубоко, чуть сжимая кулаки. Надеюсь, тебе нравится зрелище? Приподнимаю краешек губ, намекая на

улыбку. Мотыльки внутри от моей смелости, убрав ручки с глаз, теперь держатся за сердечки, приоткрывая рты.

– Ближе, – очередной приказ.

Не могу послушаться, делаю шаг, упираясь в его ноги, и опускаюсь на колени, ловя на жестких губах предвкушающую улыбку.

Протягиваю руки, слегка подрагивающие, и медленно, одну за другой, расстегиваю пуговицы на рубашке. Пальцы начинают исследовать шею. Губы, едва касаясь кожи, повторяют их путь. Ниже и ниже, к широкой груди, к животу, плоскому, красивому. Он подрагивает от моих прикосновений. Так волнующе. Ниже. Смело опускаю руки на ремень, расстегиваю ширинку и оттянув края, замираю, разглядывая.

Он... Он большой. Красивый. Ровный, крупный. И очень твердый. Трогаю его ладонью, провожу вверх-вниз, обнажая розовую головку.

На секунду поднимаю глаза вверх и ловлю жадный взгляд. Он наблюдает за мной внимательно и коротко вдыхает воздух. Грудь резко поднимается и опускается. И, словно в такт движению легких, подрагивает член в моих пальцах.

– Передумала? – хрип в голосе невероятно бьет по ногам, ослабляя их, заставляя сжать ладошку сильнее.

– Нет... – шепчу чуть слышно и обхватываю головку губами, пока смелая.

Сладкий, мучительный стон отдается дрожью по коже. Вызывает тянущую боль внизу живота.

Он... вкусный, на удивление. Везде. И там тоже. Хотя всегда думала иначе о таком виде развлечений. Не медлю. Пробую сначала языком по кромке уздечки, отслеживая реакцию на свои действия. После обхватываю головку, впускаю в рот.

– Ниже, малышка. Возьми глубже.

Голос прерывистый, взгляд темный, горящий. От того, как он жадно смотрит, сжимает добела кулаки, часто дышит, горячие искорки пробегаю вдоль позвоночника.

Послушно приоткрываю рот шире, беру глубже, насаживаюсь, до горла, до спазмов. Вверх-вниз. Несколько раз.

А потом на затылок ложится тяжелая ладонь. Прихватывает несильно, но властно за волосы, не давая свободы, и задает темп.

Мне неудобно, потому что он не жалеет, не позволяет вздохнуть полной грудью. Мне тяжело, ведь он и в самом деле большой. И в то же время ужасно жарко от собственной смелости, от развратности того, что сейчас здесь происходит.

Его терпкий запах бьет в голову так, что напрочь отключает любую мыслительную деятельность. Я и не думаю. Я тону в ощущениях. Просто задыхаюсь. И одновременно кайфую, потому что это именно то, что мне требовалось. Отключить сознание.

Кажется, что все скоро кончится, он до дрожи напряжен, рука слишком тяжела, движения безумно напористы... Но неожиданно всё прекращается, и меня отпускают.

Поднимаю голову, смотрю удивленно, но задать вопрос не успеваю.

Мужские руки подхватывают и вздергивают вверх. Резкими рывками меня избавляют от джинсов и сажают сверху на живот.

Господи, все происходит так быстро. Замираю, широко распахнув глаза.

– Красивая, заррраза, – сквозь зубы выдыхает он, словно этот факт его неимоверно бесит, но пальцы, в противовес, скользят нежно.

Уверенным движением поддевает кромку трусиков, сдвигая ее в сторону, и сразу устремляется внутрь.

Ах! Я невольно закатываю глаза, прогибаясь в спине. Мне хорошо, очень хорошо...

Растворяюсь под действием этих волшебных пальцев, стгорая с каждой минутой все больше. Никто и никогда не делал со мной такого. Я вообще с мужчиной не была! И не знала, что можно так... Руками...

– Какая ты горячая. Иди-ка сюда, детка...

Жаркий шепот обжигает шею чуть ниже уха, а горячий поцелуй-укус в это местечко прошибает током и заставляет выгнуться сильнее. Закатываю глаза и не сразу понимаю, что меня, легко, словно я – перышко, приподнимают и мягко насаживают на себя.

Давлюсь вдохом и замираю. Потому что больно. Это очень

больно!

Прикусываю губу, стараясь сдержать стон. Я же этого хотела? Затмить душевную боль физической? Вот и получила. Но никто не предупреждал, что будет так чувствительно.

– Черт, какая ты узкая и маленькая...

Он хмурится, оглядывает меня темно, жадно.

– Сколько мужчин у тебя было?

Хороший вопрос. Только ответа не будет. Молчу, чтобы он не догадался, лишь впиваюсь ногтями в ладошки сильнее, утыкаюсь носом ему в ключицу и делаю движение бедрами.

Насаживаюсь разом и до упора.

– М-м-м, малышка... – выдыхает он сквозь зубы, – это охуенно.

А я в этот момент скулю тихонько. Мне дико больно.

Хотела, Соня, душевные страдания заменить физическими? Получай, дорогая.

Прикрываю глаза, запрокидывая голову, чтобы он не заметил выступивших слез, и делаю еще одно движение.

Господи, как же больно! Больно! Хочется всё прекратить, соскочить с этого орудия пыток и бежать прочь. Но руки на бедрах жестко фиксируют и задают темп.

– Давай, малышка, еще... Вот так... Да! Да!

Чуть приподнимает меня и вновь опускает на себя, проныкая еще глубже. Мамочки! Встряхиваю головой, чтоб волосы упали на лицо, прикрывая глаза, упираюсь ладонями в

твердый живот и начинаю двигаться.

Стараюсь хитрить и не особо насаживаться. Меняю угол проникновения, чтобы уменьшить боль. Это непросто.

Только в эротических фильмах смотрится изысканно. А на деле – тяжело. И бедра болят. И внутри все огнем горит, особенно там, где наши тела соединяются. И возбуждение испаряется, как роса на солнце. Но я терплю. Сама хотела.

– Хорошо, малышка... Ты охуенная... Да... Так... Сильнее... Еще... Двигайся... Умница...

Жаркие слова и его пальцы, нашедшие клитор и потирающие его без перерыва, разжигают угасшее возбуждение и те тянущие ощущения, которые бесследно растворились после первого болезненного проникновения. Потребность двигаться все сильнее и размашистей буквально выворачивает. Я не могу остановиться. И уже не хочу.

Меня возбуждает его голос. Его взгляд. Его прикосновения.

Я больше не хочу останавливаться.

– Умница, давай. Сильнее! Так... Да! Вот так... Умница-а-а!

Он закрывает глаза, врывается в меня особенно глубоко, выгибается, сжимает до синяков и кончает.

По инерции еще пару раз делаю движения бедрами, продлевая ему удовольствие, и постепенно замедляюсь.

Выдыхаю.

Он откидывается на спинку дивана, утягивая меня к се-

бе на грудь, зарывается одной рукой в волосы, пропуская их сквозь пальцы, и смотрит.

Взгляд мягкий. Намного мягче, чем был пару минут назад. Лицо расслаблено. Ему хорошо и комфортно. Это легко считается по жестам.

А мне не очень. Он всё ещё во мне. Внизу всё влажное. Мне неудобно. Упираюсь ладонками в грудь и приподнимаюсь. Тянусь к лицу губами. И по его взгляду понимаю, что он не против поцелуя.

Только вот с памятью у меня всё прекрасно. Я хорошо запомнила, что он брезглив. В последний момент изгибаю шею и прижимаюсь губами к колючей щеке.

– Спасибо, – выдыхаю чуть слышно.

И соскальзываю вбок, пока он переваривает мои слова. Поправляю трусики, подхватываю джинсы и футболку и бегаю в туалет. Действую скорее на адреналине, так как низ живота простреливает тянущей болью. Двигаться неприятно. Саднит.

Салфетками удаляю последствия своих безрассудных действий. Крови не так много, как я боялась. Надеюсь, он и внимания не обратит на такую мелочь. Открываю кран с холодной водой и несколько раз плескаю в лицо.

Сонька, ты – идиотка!

Выдыхаю беззвучно в зеркало, разглядывая внимательнее свое лицо. Словно оно должно было измениться за послед-

ние полчаса. Бред! Я – всё та же, просто осталась совершенно одна в этом жестоком мире.

Вспыхнувшая в памяти смс-ка вновь вызывает жгучую боль. Прикусываю многострадальную губу и начинаю одеваться.

Перехватываю волосы резинкой. Глубоко вдыхаю и выдыхаю, и выхожу в комнатку. Надежда, что мужчина окажется сообразительным и исчезнет до моего появления, разбивается как хрустальный фужер при встрече с полом.

Выглядит он тоже по-другому. Привел себя в порядок. Но не это цепляет, а его колкий взгляд, прожигающий насквозь. Заметил.

Молча стаскиваю со спинки дивана джинсовку и надеваю, не произнося не слова. Но краем глаза отмечаю, что вместо расслабленного, получившего удовольствие самца, рядом со мной находится хищник, готовый броситься в любой момент.

– Я что-то ни хрена не понял.

Не выдерживает он первым.

– Это что за ерунда?

Поднимаю глаза и вижу в его руках салфетку с разводами... Бли-и-ин...

– Не переживай, – растягиваю саркастичную улыбку на губах, сжимая зубы так, что они ныть начинают. – Это недо-разумение у всех девушек бывает... в первый раз.

А что еще остается? Не отнекиваться же. Внизу все ноет

от саднящей боли, двигаться неприятно, но надо. Бравада помогает.

– Какой, к черту, первый раз, если ты замужем была? Или у тебя такая короткая память, Лиза? Забыла, что мужа недавно похоронила? – как ушат холодной воды на голову.

Вскидываю взгляд на незнакомца. А у него явно предохраниители слетают. Скулы ходуном ходят. Глаза бешено горят. Кулаки сжал. Наверное, мою шею представляет.

Минуту смотрю на него. Просто смотрю. Его слова ранят. Больно ранят. Ведь я действительно хоронила Макса. Одна. Только не своего мужа, а Лизы. А сестренка уже тогда не приходила в сознание.

– Лиза... умерла, – произношу еле слышно, сглатывая комок сухим горлом.

В груди начинает жутко печь. Кажется, я перестаю справляться.

– Что?

Хмурится. Смотрит с недоверием, сжимает салфетку в кулак и, не глядя, засовывает ее в карман.

– Лиза умерла... сегодня.

Повторяю то, что еще не в полной мере осознала. Слова режут рот, как стекло. Нет. Не могу больше. Надо уходить.

Подхватываю рюкзак и, ничего не видя, толкаю дверь. Она не поддается. Туго соображаю, что сама и защелкивала личину. Наощупь нахожу рычажок, поворачиваю замок и выхожу...

Мне надо домой... Побывать одной...

Глава 7

Пребываю словно в вакууме, пока продвигаюсь к выходу. Кажется, кого-то случайно задеваю, а вот извиняюсь или просто думаю об этом, сказать точно не могу. Организм устал. Безумно устал. Будто в нем вырубило всё электричество, разом, без предупреждения.

Оп! И нет. Свет померк.

И все системы работают в аварийном режиме, но пока, слава Богу, справляются.

Я продолжаю идти. Шаг за шагом. Вперед. Просто вперед. – Давай-ка, немного левее. Вот так, ага, умница, – кто-то уверенно сзади обхватывает за талию и слегка управляет мною.

Не сопротивляюсь, главное, что не останавливают. Не задают вопросов. Не навязывают бестолкового разговора, который нужно поддерживать. А значит, с каждым шагом я фактически приближаюсь к дому, к своей квартире, к одиночеству.

Нет, не хочу думать.

Не хочу вспоминать.

– Теперь вот сюда, так. Правильно.

Хмурюсь, потому что в поле зрения попадает молодой человек, смутно знакомый, он кивает, будто мы должны быть уже представлены друг другу, и распахивает дверь машины,

предлагая забраться внутрь.

Огромный черный внедорожник. Пугающе огромной.

Безразличие на минуту отступает, и я непонимающе оглядываюсь, стараясь сообразить: а что, собственно, происходит вокруг меня?

Мы на парковке возле клуба, который я покинула, используя лишь автопилот и какого-то командира сзади. Тот пару раз менял мой курс, явно избегая ненужного столкновения.

Оборачиваюсь и почти не удивляюсь, натываясь на темный пронзительный взгляд моего первого мужчины. Но сейчас в его глазах нет того голодного блеска, которым он сжигал меня во время нашего короткого, но довольно тесного общения. Нет высокомерного пренебрежения, с каким он смотрел в VIP-зоне, предлагая сделать ему минет. Нет злости, той, что тлела в глубине очей, когда он кидал мне нелепые обвинения в моем обмане... На секунду приходит ассоциация с волнением и сопереживанием... Но я отбрасываю ее, как полную нелепицу.

– Что... ты...

Хочу спросить о том, что вообще происходит. Почему я именно здесь, на парковке, если такси не заказывала, да и идти собираюсь в другую сторону. Почему он рядом, если мы распрощались еще в клубе. Кто эти люди, что стоят возле большущей машины и следят за нами, явно ожидая какой-то команды.

И да, я не оговорила, именно за нами. Потому что незна-

комец, который откуда-то знает мою сестру, знал... так и продолжает держать меня за талию. А я, словно в порядке вещей, умудряюсь немного на него опираться.

Господи! Ноги устали и еле держат. Вот и всё объяснение.

– Поехали домой, – вместо всего произносит он негромко.

Да, клуб остался позади и теперь повышать голос нет необходимости. Потому говорит спокойно, уверенно. Не вопросом, утверждением.

– Я сама, – мое привычное «я могу сама» вновь вылезает на первый план, но удивительно быстро уступает мягкому...

– Пожалуйста, давай не будем нагнетать.

Вскидываю взгляд, минуту смотрю в невозможно красивые глаза. Ага, сил ни на что нет, а восхитительно-завораживающие омуты умудряюсь заметить. И просто киваю.

– Киевская, 17.

– Давай, я тебе помогу, – обнимает чуть крепче и подсаживает на ступеньку, чтобы разместить в монстро-машине.

Не сопротивляюсь. И спокойно выдерживаю мимолетное прикосновение к груди, когда он защелкивает ремень безопасности.

– Семь минут, – произносит молодой человек, проложив путь на дисплее, встроенном в автомобильную панель.

И дождавшись, когда Он обойдет машину, займет соседнее со мной место и кивнет, заводит двигатель и плавно стартует.

– Если ты достанешь ключи и назовешь номер квартиры,

то можешь засыпать прямо сейчас, — вновь внимательно меня разглядывая, выдает странный незнакомец. — Обещаю доставить до кровати в целости и сохранности.

Это обещание кажется таким сказочно-нелепым, что, сама от себя не ожидая, хмыкаю с улыбкой.

Господи, какой бред! Что вообще происходит с моей жизнью?

— А ведь ты даже не знаешь, как меня зовут, — качаю головой, успокаиваясь, и в следующий момент привожу мотыльков, оживающих в груди, в очередной шок.

Делаю так, как мне только что предложили: достаю ключи и вручаю незнакомцу.

— Двадцать два.

— Утром я буду знать о тебе всё.

Не знаю, слышу это наяву, или уже впадая в дрему, потому что глаза закрываются и... да, я засыпаю.

— Эй, Соня, пора просыпаться.

Доносится сквозь дрему смутно знакомый голос. Но так фантастически четко вплетается в предрассветный сон, что не придаю этому значения, пока... одеяло не начинает потихоньку от меня убегать. Вначале оголяется шея, потом плечо, грудь.

Ворчу и подтягиваю беглеца назад, переворачиваясь на бок.

Следом тонкие ноты черной смородины и бергамота, а

шлейфом кедр и мускус щекочут рецепторы, заставляют нахмуриться и вдохнуть запах глубже. Знакомый запах. Откуда?

Неосознанно тянусь за ним, стараюсь вспомнить, что нас связывает, и утыкаюсь носом во... что-то теплое. Размыкаю ресницы и обзираю широкую грудь в черной футболке с V-образным вырезом.

Что за бред?

Медленно скольжу взглядом выше, всё ещё надеясь, что это мираж, но с каждой секундой все четче понимаю: не-а, реальность.

– Доброе утро, Соня, я кофе сварил, – выдает вчерашний незнакомец низким, пробирающим до нутра голосом.

Как огромный кот урчит, тот, что размером с тигра.

Мужчина спокойно лежит на кровати, практически копируя мою позу. На боку, лицом ко мне. Только я головой на подушке, а он свою подпирает согнутой в локте рукой.

Осматриваю его всего и отмечаю, что рубашка бесследно исчезла, как и классические брюки. Зато спортивные штаны и футболка откуда-то нарисовались.

Как так? У меня мужских шмоток отродясь не было. Даже когда Макс с Лизой пару раз оставались с ночевкой, всё привозили и увозили с собой. Знали, что не люблю бардак.

А сейчас вообще черт не разберет, что происходит.

– Ты что тут делаешь?

Задаю сильным голосом со сна самый важный вопрос из

пары десятков, что крутятся в голове. И в это же время пытаюсь осознать факт наличия постороннего человека не просто в моей берлоге, а и в совершенно девственной кровати. Тут кроме меня никогда никого не было.

Ух, моя тихая устоявшаяся жизнь так быстро меняется, что становится страшно, что ждет меня через день. Через час. Хотя, самое жуткое уже случилось. Сегодня ночью.

– Тебя бужу. Начало двенадцатого. Ты до сколько обычно спишь?

– До десяти.

– Сова, значит.

Чего?

– А я жаворонок, – выдает совершенно обыденно, будто вести милые разговоры ни о чем по утрам в постели с незнакомками для него вполне обычное дело.

– В кровати моей, – уточняю для тугодума, – что делаешь?

– Так больше спать негде, – пожимает плечами. – И ночью, когда ты ко мне тесно прижималась, то возражений не поступало. Никаких.

– Кровать холодная, ты теплый, а я мерзну всегда, – выдаю логичное для меня объяснение своего ночного поползновения.

Сам тут остался, вот и подработал грелкой. А я настолько ночью вымоталась, что постороннего проморгала.

– Сонь, пойдем пить кофе, а то остынет. А я старался, готовил.

– Ты или кофемашина? – приподнимаю бровь.

– А есть разница? К твоему сведению, я, пока ждал твоего пробуждения, уже дважды успел его сварить.

– Почему не ушел? – задаю логичный вопрос.

– Нам нужно поговорить, – мою невинную уже постель наконец-то покидают, оставляя меня в ней полноценной хозяйкой.

Приподнимаю одеяло и обзираю совершенно голое тело.

Господи, какой кошмар. Краснею моментально, забывая, что обычно мерзну.

– Ночнушки не нашел, – пожимает плечами мужчина, замечая румянец. – А в нижнем белье спать неудобно же.

Обалдеть. Логика железная.

– Что на счет вопроса? – напоминаю хитрецу, умеющему заговаривать зубы.

Вон как меня заболтал. Даже не возмущаюсь и не ужасаюсь его наличию в моем доме, хотя, по логике, должна бы непременно скандал закатить.

– Я боялся, что ты куда-нибудь сбежишь, а у меня нет времени тебя искать.

Вновь хмурюсь, не улавливая смысла. Зачем нам общаться. Секс, как теперь все громогласно утверждают, еще не повод для знакомства. А то, что он нас с Лизой спутал, так не он первый, не он...

Черт! Черт!!! Черт!!!!

Не сейчас... не про сестренку...

– Как тебя зовут?

Оселяет умная мысль познакомиться... с моим первым мужчиной, а заодно еще на чуть-чуть отодвинуть собственное горе.

– Алекс.

– Это Саша или Алеша? – ненавижу сокращение имен.

Как клички у собак, честное слово.

– Алекс – это Алекс. Алекс Гроссо.

Произносит глядя на меня пронзительным взором карих омутов, а меня словно пыльным мешком по голове ударяют. Второй раз за одни сутки я впадаю в шоковое состояние и теряю дар речи.

– София, отомри!

Пробивается сквозь стучащее в ушах сердце глубокий ровный голос. Вакуум постепенно отступает, а я во все глаза, боясь моргнуть, смотрю на стоящего передо мной самоуверенного, самовлюбленного небожителя, непонятно как оказавшегося в моей крохотной квартирке.

Гроссо... Это, черт подери его сраную душу, сам Алекс Гроссо. Родной брат Макса, покойного мужа Лизы.

Сипло втягиваю в себя воздух, который совсем не хочет поступать внутрь, чтобы... нет, не высказать этому невозможному человеку всё, что думаю о его напыщенной заднице и всей семейке Гроссо в целом, а просто послать... Чисто

по-русски... далеко и насовсем.

– Ты... да, ты...

– Успокойся, – обрубает жестким голосом, явно уловив мой настрой.

Взгляд тяжелый, открытый, неумолимый, будто из нас двоих именно он пострадавшая сторона, а не я.

Что? Да как он смеет!

Открываю рот, собираясь сделать очередную попытку показать хозяйку положения. Правда, отсутствие одежды и хлипкое прикрытие в виде одеяла, сводят на нет мою смелость, а звонок в дверь вообще сбивает с мыслей.

Вздрагиваю от удивления, умудряясь при этом всхлипнуть. Ко мне только Лиза приходила. Но теперь-то... кто?

Смотрю испуганными глазами на самоуверенного брюнета, а тот меня читает, как открытую книгу. Потому что сразу поясняет:

– Это парни завтрак принесли.

Парни? Завтрак? Господи, какой бред.

Качаю головой, а Алекс, пробежав по мне глазами, добавляет:

– Я жду тебя на кухне. Не задерживайся. Нам нужно поговорить.

– Убирайся прочь, – совладав с голосом, который все равно немного дрожит, указываю пальцем на дверь.

– Нет.

Спокойный ответ. Тяжеловесный. Непреклонный. Такой,

что сомнений не возникает: его фиг с места сдвинешь, если он решил.

– Жду на кухне, София.

– Ты имя узнал? – прищуриваюсь, вспоминая ночной разговор в машине.

– Я всё узнал, – кивает самоуверенно куда-то в бок, – не только его.

Перевожу непонимающий взгляд в сторону и замечаю тонкую папку на краю журнального столика.

– Всё? – сиплю, чувствуя, как кровь отливает от щек.

Нет, только не это. Не надо всё. Господи, пожалуйста. Я третьего удара не переживу.

– Жду на кухне.

Повторяет еще раз и уходит, а я откидываюсь на подушку и на секунду прикрываю ладонями лицо.

Сонька, вот это попала ты в переплет. Врагу не позавидуешь. Нужно срочно избавляться от этого типа и ехать в больницу к Лизе. Впереди похороны. Вторые за три месяца. Господи, дай мне сил. Стираю, катящиеся одну за другой слезы, кусая губу, чтобы заглушить всхлип.

Но через минуту, с громким свистом резко выдыхаю и подрываюсь с кровати. Рано себя жалеть. Надо действовать.

– О чем ты хотел поговорить? – начинаю с места в карьер, заходя на кухню.

Я успела заправить постель, принять душ, одеться и почи-

ститъ зубы, но кипящая ненависть в груди не только не исчезла, наоборот, набрала еще большие обороты. Но это всё ерунда, я привыкла сдерживаться и не демонстрировать посторонним своё внутреннее состояние. Потому что мои проблемы и заботы никому не важны, они – лишь повод для болтунов почесать языками, перемывая кости.

Чистосердечное сочувствие в наше время – слишком дорогое удовольствие, чтобы раздаривать его направо и налево. Люди закрылись и стали черствее. Но можно ли их судить, если и я – такая же?

Гроссо совершенно не ведется на мой вопрос, не спешит говорить. Лишь медленно скользит карим взглядом от наверхенной кое как гульки на голове, не люблю, когда волосы лезут в глаза, плавно спускается на лицо, чуть задерживаясь на губах. Под пронзительным взглядом прикусываю нижнюю. Не дразню, само собой так выходит. Но потемневшие омуты и чуть более шумный выдох улавливаю и в самый последний момент заставляю себя не отшагивать назад в испуге.

Да, я – еще та дурная голова. Могу в один момент нападать, чувствуя браваду, а в следующий переживать и сжиматься в страхе. Вот как сейчас. В клубе сотни голодных взглядов рассматривали меня во время выступления, но совершенно не задевали, скатывались, как капли воды, не оставаясь в памяти. А этот Гроссо смотрит так, будто не только глазами по мне проводит, но и своей крупной рукой касается

следом. Ощущаю его очень ярко, с трудом скрывая эмоции.

Лицом осмотр не заканчивается. Внимательно изучаются серая огромная футболка, вечно съезжающая с плеча, и борцовка под ней. А вот бюстгальтера нет. Не люблю его дома носить. О чем только сейчас жалею. Под пристальным взглядом моя грудь своевольничает, соски твердеют и... приподнятый уголок рта Алекса подтверждает, что он это заметил.

Паразит!

Балахонистые спортивные штаны с манжетами на щиколотках, к счастью, ему безразличны. А вот голые ступни с крашенными в салатовый цвет ногтями, просто захотелось хоть таким образом поднять себе настроение, явно оцениваются высоко. Хмык звучит громкий.

И снова взгляд глаза в глаза, зависаю, теряюсь, растворяюсь. Но громкое фырканье моей кофемашины всё прерывает. Любит она погудеть, когда заканчивает работу.

– Садись, – приглашают меня за стол в моей же кухне. – Круассаны с вишней, свежие булочки с изюмом, сыр, мясная нарезка, масло, сливки. Ты какой кофе предпочитаешь?

Он что, черт подери, решил устроить светский завтрак? Джентльмен фигов...

– А овсянки нет? – язвлю. – С садовой малиной?

– Непременно будет в следующий раз, – отбивает удар, не реагируя грубостью на подначку, словно следующий раз у нас обязательно состоится.

Вот совершенно не верю, что Гроссо – такой весь белый и пушистый. Эта акула бизнеса такой планктон, как я, заглотит и не заметит. А тут слишком расположен, слишком мягок, всего слишком... Напрягает.

– Со сливками люблю, – сдаюсь, наконец, решая, что Алекс прав.

И приступаю к еде. Если он хочет поговорить, нужно это сделать. А уж потом распрощаться насовсем.

– Новую одежду тебе тоже парни принесли? – киваю на футболку, обрисовывающую удивительно прокачанную спортивную фигуру и мускулистые плечи с выступающими венами, когда заканчиваю завтрак.

Язык чешется спросить совершенно о другом, например, о том, как он умудрился так быстро получить на меня вполне себе подробное досье, которое я бегло просмотрела, пока оставалась одна в комнате. И в то же время понимаю, что не стану этого делать. Намекать на то, что информация о сестре-близняшке стала бы для него еще более увлекательной, чревата новыми проблемами. А я и со старыми не до конца разобралась.

Глава 8

– Спасибо за завтрак.

Соскакиваю с углового дивана и начинаю убирать посуду в мойку, а остатки еды в холодильник, краем глаза кося на гостя. Сидит и в ус не дует, что можно бы и честь знать. Топать, так сказать, отсюда.

– Мне действительно нужно спешить, поэтому, очень прошу, не тяни резину, – оборачиваюсь, вымыв и поставив в сушку последнюю чашку.

Совершенно не понимаю, о чем нам с Алексом нужно поговорить, если даже на похороны к Максусу никто из семейки Гроссо не соизволил приехать. Ни мать, ни брат не отреагировали на информацию о месте и времени погребальной церемонии, которую я им отправляла.

– Соня, сядь.

Короткая фраза, сказанная спокойный уверенным тоном. И я выполняю ее прежде, чем успеваю сообщить: хотела ли я этого сама или подчинилась.

– Как ты себя чувствуешь?

Алекс смотрит, не моргая. Серьезен, внимателен к деталям. И непостижим. Если его так заботит какая-то левая девчонка, почему о родственнике-то не переживал?

– Всё в порядке, – отвечаю, ощущая, как румянец опалает щеки.

Господи! Что за разговоры с утра пораньше.

– А врать ты не умеешь, что радует.

Констатация факта, не вопрос.

А это он откуда взял? Приподнимаю брови, но молчу.

– Ты, когда садилась на диван, хмурилась, да и держалась немного боком. Будто тебе некомфортно. Если нужно, можем съездить к врачу, он тебя осмотрит.

– Нет, спасибо, – краснею еще больше.

Только этого мне не хватало. Да я теперь все медицинские учреждения десятой дорогой обходить стану. Слишком много их в последние месяцы было в моей жизни.

– Расскажи мне всё, пожалуйста. Про Макса и его жену.

Смотрю на Алекса и не понимаю: он шутит так? Только вот ни разу не весело. Скорее, отвратительно. Гнев, что совсем недавно утихомирился вспыхивает с новой силой.

– А не слишком ли поздно ты, мистер Алекс Гроссо, решил поинтересоваться своим братом и его супругой? Раньше же было наплевать. Что изменилось? Да ваша семья даже на свадьбу не приехала. Решили, что Лиза недостойная пара? Нет нужного образования, серебряной ложки во рту, многомилионного приданого, высокопоставленных родственников. Только вот они всё равно любили друг друга. Понимаешь? Любили. Хотя вам, богачам, наверное, такое слово не знакомо, не то, что чувство.

– Соня, я понимаю, как бредово это выглядит со стороны. Но поверь, у нас с братом были неплохие отношения.

– Оттого ты ни разу не навестил молодую семью? А они, между прочим, полгода были женаты.

– Макс был уже дважды женат. До того, как сделал предложение твоей сестре.

Неизвестная до этого момента информация, как ушат холодной воды, вылитый на голову, меня парализует. Нет, такого я не знала. И Лиза не делилась.

– Первый раз брак продлился год, – Алекс говорит спокойно, но по напрягшимся плечам понимаю, что не все так просто. И ему трудно говорить о брате. – Валентина была хорошей девушкой, доброй милой. Мужа любила. И Макс был доволен, но потом все чаще стал пропадать в поездках, а затем просто ушел из дома и подал на развод. Все объяснения – ему стало скучно со слишком правильной девушкой. Второй раз брак продлился восемь месяцев. И Макс, и Валерия любили тусовки, отдых за границей, различные вечеринки. И, кажется, не нагулялись. Кто кому изменил не знаю, но расстались они быстро, написав причину развода, как не сошлись характерами. Это произошло всего год назад. И через пару месяцев, когда Макс вновь сообщил о желании жениться...

– Вы решили, что это его очередная блажь, которая не стоит внимания.

Заканчиваю я за него, начиная немного понимать.

– Именно так. Мне действительно жаль, что мы отсутствовали на свадьбе. Но на то была и другая причина. Наша мать

была сильно больна. Пришлось увезти ее за границу. Вернулись всего пару месяцев назад.

– Неужели вам не сообщили о гибели брата? – качаю головой, не веря. – А как же телефоны, интернет. Разве полиция не пыталась связаться?

– Пыталась. И как только у нее получилось, мы вылетели назад. Я видел полицейский отчет. Но к тому времени похороны уже прошли. А моя личная помощница, бывшая личная помощница, проигнорировала твой звонок, и решила нас не беспокоить. Мне действительно очень жаль, а для мамы смерть сына стала страшным ударом. Боюсь, что она вновь может слечь.

– Это был несчастный случай, – говорю то, что услышала от полицейских, поднимая глаза от сцепленных пальцев. Сама не помню, как стала их выкручивать, вспоминая тот ужасный день, когда в дверь позвонили. – Не знаю, почему ребята решили вернуться. Я их ждала только к концу недели и... тогда не сразу поверила в этот ужас.

– Они были счастливы?

Не могу понять, когда Алекс пододвигается ближе. Кажется, только сидел напротив, а уже рядом, прижимает меня к своему сильному крепкому плечу, поглаживая по спине. А я, стерев сбежавшую по щеке слезу, сама не замечаю, как всю рассказываю о том времени, когда сестра была по-настоящему влюблена и любима.

– Это ничего не значит.

Пережив минуту слабости, вновь вздергиваю вверх подбородок и отодвигаюсь. Близость Гроссо действует неправильно, слишком уютно с ним рядом, слишком тепло, слишком... всего слишком. Складывается обманчивое впечатление, что он действительно мне сочувствует и сопереживает.

Эй, Соня, совсем расслабилась? Это тебе не близкий друг или родственник, желающий помочь. Он – чужак. Появившийся совершенно неожиданно. Причем, тогда, когда ты ослаблена и почти раздавлена.

– Зачем ты приходил в клуб?

Хмурю брови. Нет, я не забыла, как он себя вчера вел в самом начале, показав настоящее лицо. Был высокомерен и заносчив. Такой, каким и должен быть пресыщенный жизнью лощеный миллиардер.

– Хотел познакомиться.

– С Лизой? Но почему не домой, а на работу? Как-то странно это получается, ты не находишь?

– Домашнего адреса не было, а вот адрес клуба был на открытке-приглашении, которую я получил вместе с фотографией Макса и твоей сестры. Точнее, нашел на рабочем столе среди кучи того, что мне «забыла» вручить моя помощница.

– Фиговая у тебя секретарша, – ухмыляюсь и качаю головой.

– Я тоже так решил. Потому с удовольствием уволил её за полную некомпетентность. Больше никаких дочек и племян-

ниц маминых подруг. Наём персонала строго через агентство.

Алекс смотрит прямо, вспышки недовольства не показывает, хотя думала, что зацеплю, намекая на недостатки в работе такого прославленного рода Гроссо.

– Я видела тебя дважды.

– Именно столько раз я и был в клубе.

– Почему сразу не подошел, не заговорил?

– Скажем так, я поверил одному из ваших служащих, который очень правдоподобно уверял, что после выступления и привата на втором этаже ты слишком устала.

– Что?

Даже отшатываюсь от такого заявления, прямо намекающего, чем я наверху могла заниматься. Хотя, нет, не «могла», а именно занималась.

Теперь понятно, почему сидящий передо мной мужчина повел себя грубо, намекая что я грязная. Но, всё же...

– Ты решил, что Лиза, не успев похоронить твоего брата, пустилась во все тяжкие? Принял за проститутку.

– Соня, мне жаль, что я поверил этому... слизняку. Но ты действительно, когда спускалась, выглядела, как...

– Затраханная баба, – заканчиваю за Гроссо.

Растягиваю жесткую широкую улыбку, стискивая сильнее зубы. Не понимаю, отчего его слова задевают. Бьют наотмашь, хотя я должны бы привыкнуть и не реагировать.

– Прости.

Произносят мужские губы. А на лице никаких эмоций.

А чего, собственно, Сонь, ты ждала? Что на колени бухнется и каяться начнет? Наивняшка.

– Да ладно, – ухмыляюсь, – я ж и есть затраханная баба, только не мужиками, а судьбой. Так что, можешь считать, что не ошибся.

Поднимаюсь из-за стола, чтобы хоть чем-то занять руки, которые почему-то начинают дрожать. Все эти вопросы и воспоминания о сестренке жгут внутри, заставляют сердце обливаться горькими слезами, душу рыдать, дыхание сбиваться.

– Хочешь еще кофе?

Предлагаю не глядя, потому что уже готовлю порцию себе.

– Нет. Спасибо, – звучит спокойный голос, а я расслабляюсь, так как Алекс остался сидеть на прежнем месте, а значит, стал от меня чуть дальше. – Почему ты заняла место сестры? Тебе же не нравится выступать на людях.

– Откуда?

Оборачиваюсь, желая понять: как он понял? Я же всегда скрывала эмоции, прятала за безразличием и бравадой.

– Не мимика. Жесты. Твое тело само говорило, почти кричало, как тебе в клубе неуютно. Так почему?

– А всё просто, – пожимаю плечами, вновь возвращаясь к привычному и расслабляющему занятию: добавляю сливки в нацеженный кофемашиной напиток. – Клиника, где за... Лизой должны были ухаживать, не государственная.

– Деньги – не проблема.

Слышу из-за спины и лишь качаю головой. Ну да, конечно. Для Гроссо всё именно так и обстоит.

– Какая сумма нужна? Я заплачу.

Вдыхаю медленно и также выдыхаю. Поздно уже, слишком поздно.

– Не надо. Нам ничего не надо.

– Соня...

– Так значит, – перебиваю его, меняя тему, – ты решил, что жена твоего брата – шлюха, и сам решил ей попользоваться?

– Я хотел просто задеть, не переходя грань. Но, ты сама настояла, а я не отказал.

Пожимает мускулистыми плечами. Поза расслабленная, лишь взгляд острый, подмечающий каждую деталь, считающий все мои шаги, действия, эмоции. И да, Алекс не жалеет о том, что было сегодня ночью.

А я? Жалею?

Подумаю об этом потом... Когда-нибудь потом.

– Мне нужно уходить. Думаю, и тебе пора.

Открытым текстом намекаю, что гостям уже не рады.

– В больницу? – угадывает с первого раза.

– Да.

Не вижу смысла скрывать. Иначе этот человек просидит тут еще неизвестно сколько. А мне уже давно пора спешить.

– Я поеду с тобой, - утверждение.

– Нет, – качаю уверенно головой.

Это только моё дело. Мне не нужны посторонние, чтобы наблюдать и оценивать со стороны мои поступки. Знаю, что сорвусь, стоит лишь увидеть сестренку. Так что, НЕТ.

– Это не обсуждается, Соня. Я жду тебя на улице.

Наши взгляды пересекаются, словно рапиры фехтовальщиков перед началом боя. И я отчетливо вижу его решимость, непоколебимость и упорство. Не отступится, зараза.

Сдаюсь. Киваю, понимая, что тут мне не выстоять, и указываю ладонью на дверь.

Мне нужно немного времени на новый раунд.

– Ехать далеко, – сообщаю Алексу, как только подхожу ближе.

Он стоит возле машины рядом с задней дверью. Тело ослаблено, чуть откинута назад, руки в карманах, ноги расставлены. Глаза спрятаны за солнечными очками. Но... я чувствую, что он отслеживает моё приближение, не отводя взгляда. Словно, если вздумает отвернуться, я сбегу. Глупость какая лезет в голову.

По периметру, окружив две огромные темные машины расположились четверо охранников. В костюмах и белых рубашках. На улице жара, плюс двадцать семь, не меньше, солнце печет во всю. Как-никак середина лета. Но я завидую этим бравым ребятам и их пиджакам, потому что меня зно-

бит.

Кутаюсь в тонкий черный кардиган, который накинула поверх темно-синей майки с широкими лямками и такого же цвета джинсов. Кофта длинная, вязанная, чуть ниже колен, но мне все равно в ней холодно. Знаю, что это просто стресс и нервы, но хочется еще немножечко тепла.

Поправляю рюкзак, обе лямки которого закинула на одно плечо, и жалею, что про темные очки не подумала. Мне бы онигодились. Чтобы не пугать народ бледным лицом и красными припухшими глазами. Хотя... совершенно всё равно, кто и что про меня подумает. Если бы я ориентировалась на мнение других, давно бы свихнулась. А вот отгородиться от всевидящих карих жгучих омутов не помешало бы. Они волнуют, сильно, выбивают из зоны комфорта, притягивают, гипнотизируют и подмечают больше, чем я хотела бы показать.

– Не переживай, я никуда не тороплюсь, – ответ Алекса практически не удивляет. Но попытаться стоило. Вдруг бы он передумал. Кто ж поймет этих небожителей. Чего они захотят в следующий момент? – Нас уже ждут.

– Откуда ты...

Хочу спросить, как он так быстро все узнал и организовал встречу, но лишь хмыкаю и качаю головой. Ненужные вопросы. Просто это не мой уровень. Как там говорят: высший класс? Это точно. Надеюсь, после поездки он оставит меня в покое.

– Соня, ты занималась похоронами Макса, – Алекс, открыв дверь черного монстра, кивает мне, чтобы забиралась внутрь, но в последний момент перемещается так, что я оказываюсь в ловушке. Спереди он, сильные, жилистые руки по бокам, а сзади распахнутая дверь машины. Задираю голову и вновь тону под завораживающим взглядом. Не помню, когда он успел снять очки, передо мной лишь его глаза. Темные, внимательные, серьезные, решительные. И аромат черной смородины и бергамота окружает, проникает в легкие, околдовывает. – Позволь мне помочь с Лизой.

Делаю глубокий вдох ртом, размыкая губы, потому что боюсь задохнуться от нахлынувшей боли, как только слышу о сестре. И качаю головой:

– Нет.

Опускаю глаза, стараясь сдержать жжение от закипающих слез. Я. Сама. Справлюсь. Должна.

– Ты можешь мне не доверять, но я тебе не враг, – Гроссо делает один-единственный разделяющий нас шаг, практически впечатываясь в меня. Наклоняется и, слегка задев губами мое ухо, тихонько добавляет. – Постарайся это понять. Моё отсутствие последние три месяца – лишь дурацкое стечение обстоятельств. И даже у такого черствого монстра, каким ты уже меня записала в своей голове, есть чувства. Мне тоже больно терять близких, даже если ты этого не видишь.

– Я...

Съеживаюсь от открытой правды, которой он мне бьет в

лицо, и вскидываю вверх голову, чтобы извиниться или поддержать, и зависаю в карих омутах, что становятся лишь темнее с каждой минутой. Наваждение, не иначе.

— Мне жаль... — в порыве поделиться теплом, посочувствовать и подбодрить, поднимаю руку и дотрагиваюсь до ключей щеки, слегка поглаживая и ощущая, какая же она горячая по сравнению с моими ледяными пальцами.

Ладонь колет от трехдневной небритости, что за ночь только увеличилась, или от эмоций, которые бурлят в груди и переливаются через край. Хочу одернуть руку. Понимаю, что жест был слишком интимным, неправильным, а мой порыв неуместным. Но Гроссо не позволяет. Накрывает холодные дрожащие пальцы своей горячей ладонью, словно в капкан заключает. Согревает их и медленно опускает голову, сосредотачивая все внимание на моих губах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.